

ЭЛЬ
КЕННЕДИ

18+

ИЗГОЙ

Эль Кеннеди

Изгой

Серия «Хиты Эль Кеннеди»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70200361

Э. Кеннеди. Изгой: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-154846-9

Аннотация

Уже того, что твоя мама выходит замуж за богатого парня, которого ты никогда не встречал, достаточно, чтобы у любого восемнадцатилетнего подростка закружилась голова. А вот у Эр Джея Шоу дела обстоят еще хуже: его отправляют в Академию Сэндовер на выпускной курс. Если и есть место, куда такой хакер-неудачник вписался бы хуже всего, так это увитая плющом школа-интернат для мальчиков, а точнее, для богатеньких преступников. Нет смысла пытаться с кем-то ладить. Так продолжалось до тех пор, пока он не встретил Слоан Тресскотт в лесу на окраине кампуса. Великолепная и острая на язык, она настоящее искушение. Вот только Слоан – единственная девушка, к которой Эр Джею запрещено прикасаться.

Дочь директора.

Да, Слоан решила, что в этом году ее не интересуют отношения.

Но Эр Джей собирается завоевать расположение девушки, даже если это убьет его. Хотя, возможно, бывший парень Слоан, действующий «король» Сэндовера, справится с этим раньше. К счастью, у Эр Джея, неожиданно для него самого, появились друзья. Его новый сводный брат Фенн – симпатичный мальчик со склонностями к саморазрушению. Лоусон – самопровозглашенный агент хаоса. И Сайлас – настоящий хороший парень, который на самом деле не всегда такой милый, как кажется.

Если Эр Джей хочет выжить в новой школе и завоевать сердце Слоан, ему нужно будет найти способ использовать все секреты, спрятанные в стенах Сэндовера.

Содержание

Глава 1. Эр Джей	6
Глава 2. Слоан	26
Глава 3. Эр Джей	34
Глава 4. Фенн	41
Глава 5. Эр Джей	52
Глава 6. Эр Джей	62
Глава 7. Слоан	71
Глава 8. Сайлас	83
Глава 9. Эр Джей	90
Глава 10. Слоан	107
Глава 11. Эр Джей	117
Глава 12. Фенн	125
Глава 13. Слоан	133
Глава 14. Эр Джей	139
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Эль Кеннеди

Изгой

Elle Kennedy

MISFIT (Prep #1)

© 2022. MISFIT by Elle Kennedy

© Никулина А., перевод на русский язык

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Глава 1. Эр Джей

– Завтрак на столе, солнце. Кстати, сегодня я выхожу замуж.

Таковыми словами меня встретила мама, когда я утром вошел на кухню. Разумеется, я решил, что все еще сплю. Не может же моя настоящая мама рассуждать о собственной свадьбе, так буднично переворачивая блинчики на сковородке. Было совершенно очевидно, что я застрял в одном из тех безумных снов, в которых творится черт знает что.

Но нет, оказалось, что я нахожусь в объективной реальности. Прямо в эпицентре маминого кризиса среднего возраста. Я, конечно, знал, что она уже несколько месяцев встречается с каким-то новым мужиком, но не придавал этому особого значения. Мамины отношения никогда ни к чему не приводили.

И тем не менее вот он я, восемь часов спустя, сижу в смокинге, который мне не по размеру, и гоняю по тарелке куски семги рядом с таким же обалдевшим незнакомым парнем, теперь ставшим мне братом.

А наши якобы взрослые родители лапают друг друга на танцполе. Это зрелище теперь будет сниться мне в кошмарах под пошлый ритм-н-блюз медляк из 90-х.

Кто-нибудь, пристрелите меня.

– Может, это из-за рыбы, – говорит подозрительно зеле-

ный Феннели рядом со мной, – но ощущение такое, словно в моем животе что-то сдохло.

Скорее всего, дело все же в том, что его папаша сейчас обжимается с моей матерью посреди целой комнаты рабочего персонала, которому слишком мало платят, чтобы это терпеть.

– Когда наступит апокалипсис, – откликаюсь я из своего собственного, мучительного и неторопливого ада, – и какой-нибудь чувак с бейсбольной битой замахнется на меня и спросит, есть ли у меня последние слова, я скажу ему, что видел саму тьму и мне больше неведом страх.

Фенн с усмешкой опрокидывает в себя еще один бокал шампанского. Так непринужденно, словно вместо молока матери только им и питался. Могли бы уже бочку ему подкатить. Или капельницу.

Я еще не решил, как к нему относиться. Мы познакомились-то всего час назад, стоя по обе стороны от алтаря, пока наши родители зачитывали клятвы пустой комнате. Мне еще только предстоит получше узнать этого слащавого блондинчика с торчащей из кармана фляжкой.

Его зовут Феннели Бишоп, имя совершенно идиотское, но чья бы корова мычала. Как и я, он полную версию отвергает и сказал звать его Фенном. Есть подозрение, что он спортсмен или, как минимум, имеет к этому предрасположенность, ведь он высок и крепко сложен, но не похож на качка из спортзала. Хотя откуда я знаю, может, у него есть

супердорогой личный тренер. Какой-нибудь гигантский чел, который приходит к нему в огромный особняк и получает по двести тысяч долларов в год за то, что держит голубоглазого богатенького мальчика в форме. Фенн и его отец – люди состоятельные. От них прямо-таки несет деньгами. Особенно от того, как он оттопыривает мизинец и откидывается на спинку стула, расставив ноги, словно мы все тут существуем только для того, чтобы прислуживать ему и развлекать своими чудными плебейскими талантами.

– Когда я буду писать мемуары, – говорит он, развязывая бабочку на шее, – сегодня войдет в них как день, когда я узнал, как выглядит антоним к порнухе.

Я тихо хмыкаю. Парень смешной, с этим поспорить не могу.

Фенн даже не успевает сделать жест рукой, как один из почти десятка официантов в смокингах, шныряющих по темным углам этого роскошного клуба, подбегает, чтобы подлить ему добавки. Это место из тех, где столовые приборы отлиты из настоящего серебра. Вместо того чтобы подставить бокал, Фенн выхватывает у официанта всю бутылку. Мне становится интересно, не будут ли нас обыскивать на выходе. Мы сейчас находимся в Гринвиче, где-то неподалеку от особняка Дэвида – хотя, судя по тому, сколько здесь стоит членство, жить он должен по меньшей мере в целом замке. Отсюда наши с мамой окраины среднего класса на том конце штата кажутся совершенно иной реальностью.

– Вон та телка на тебя глаз положила. – Фенн кивает куда-то за мое плечо.

Я никогда тактом не отличался, так что сразу разворачиваюсь проследить за его взглядом. Невысокая брюнетка в форме официантки кокетливо улыбается мне и вскидывает бровь.

Я отворачиваюсь.

– Не, я пас, – говорю я Фенну.

– Ну не знаю, чел. – Он оценивающе наклоняет голову. – Она хорошенькая. Не думаю, что кто-то заметит, если ты утащишь ее в подсобку или еще куда.

В последнюю очередь сейчас хочется с кем-то спать. Да мне несколько недель понадобится, только чтобы развидеть эту демонстрацию родительского секса в положении стоя, которая разворачивается перед моими глазами. Мысли, вероятно, отражаются на моем лице, поскольку Фенн со смешком подталкивает ко мне бокал с чем-то алкогольным.

– Ну да. – Он качает головой. – Не то время, не то место. Это как драть, зная, что батя в соседней комнате. Не встанет, да?

Этот парень слишком уж легко делится информацией.

– К счастью для меня, – пожимает он плечами, – дома он бывает редко.

Мама машет нам рукой с танцпола и тут же забывает о нашем существовании, как только отец Фенна хватает ее за задницу, комкая белую атласную ткань. Он от души стис-

кивает ее ягодицу в пальцах, и меня начинает мутить. Для свадьбы этот праздник жизни довольно-таки пуст. Больше персонала, чем гостей. Всего четыре человека, наряженных с иголки ради этого небольшого упражнения в проведении психологической войны.

– Это пытка какая-то, – выдыхаю я в стакан, проглатывая из него жидкость и даже не чувствуя вкуса. – Как когда смотришь телик с родителями, а там начинается секс-сцена.

– Не, это как когда ты смотришь телик с родителями, а там начинается секс-сцена тоже с твоими родителями. – Несмотря на явное отвращение, Фенн не может отвести взгляд. Он запивает эту мысль большим глотком шампанского.

– Это одновременно неловко и противно.

Сжалившись, Фенн подталкивает ко мне бутылку.

– Держи, мужик. Никогда не рано выработать новую дурную привычку для борьбы со стрессом.

Я подношу тяжелую бутылку к губам.

– Звучит как тост.

Дорогое шампанское – это такая штука, которая очень быстро пьется. Я толком и не замечаю, когда Фенн меняет опустевшую бутылку на еще одну. Наши родители продолжают тереться друг о друга на танцполе под саундтрек из ретрокринжатины. А диджей, садист, уткнулся в телефон и сидит в «Твиттере», как будто и не замечая наших страданий.

– Странно это все, да? – Фенн уже успел занять себя складыванием кривого оригами из расшитой тканевой салфет-

ки. – Вот, скажем, если бы они оба сейчас умерли. Не знаю, если бы люстра милосердно рухнула им на головы, пока мы тут сидим. И кусок стекла пролетел бы через всю комнату, задел мою аорту, и я истек бы кровью и впал в кому – то тебе бы по закону пришлось решать, когда им отключать меня от аппарата.

– Что ты, черт возьми, несешь?

Стоило парню выхлебать бутылку шампанского, как он тут же возомнил себя Ницше.

– Я говорю, это большая ответственность. Семья. Вот что мы вообще знаем друг о друге? – Сделав паузу, он так долго смотрит на мое лицо, что я осторожно отклоняюсь в противоположную сторону. Кто их, пьяных, разберет. – А я ведь уже забыл твое имя, – говорит он, сам ошарашенный этим осознанием. – Черт, и правда забыл.

Я не могу сдержать усмешки.

– Эр Джей, – подсказываю я, пока комната наполняется звуками очередного медляка. Господи. Сколько можно. Я хочу придушить этого диджея. Он это нарочно, зуб даю.

– Это сокращение от чего-то?

– Что, думаешь, пока врач держал меня за ногу вниз башкой, родители сидели и выбирали свои любимые буквы алфавита?

– А так и было?

– Не. Это сокращение от Ремингтона Джона. – Я достаю телефон и прикрываю экран ладонью, ища подключенный к

местной сети вайфай макбук. Что-то мне подсказывает, что компьютер под именем «Грандмастер Гэш» как раз принадлежит этому утырку в наушниках, который отвечает за музыку.

– *Ремингтон* Джон? – громко фыркает Фенн. – Как это по-сельски, – отмечает он, демонстрируя свою заносчивую богатенькую сторону.

Не обращая внимания, я открываю «Спотифай» и пытаюсь вспомнить, о чем мы вообще разговариваем.

– Папа был большим фанатом Дэвида Кэррадайна в 80-е. А имя Феннели откуда, из «Звуков музыки»?

Совершенно не задетый, он пожимает плечами.

– Папа, наверное, скажет, что это старое фамильное имя, но я почти уверен, что мама нашла его в каком-нибудь блоге с детскими именами.

Особенно извращенную стадию спектакля под Wicked Game Криса Айзека резко прерывает взрывающаяся из колонок песня Странного Ала.

Диджей сбрасывает с себя наушники и чуть не падает со стула, пытаясь понять, почему его плейлист вышел из-под контроля.

– Какого хрена это сейчас было? – Фенн бросает взгляд на меня и мой телефон. – Это ты сделал?

Я закатываю глаза.

– Щас прям. Я вообще сообщения проверял.

Мама с Дэвидом направляются к нам, потные, улыбчивые

и абсолютно бесстыжие, так что я отключаюсь от сети и убираю телефон в карман, возвращая контроль диджею.

– Мне кажется, пора резать торт! – Мама улыбается так искренне и широко, что мой цинизм по поводу этого спонтанного переворота всей нашей жизни с ног на голову немного трескается. Потом она замечает две пустые бутылки из-под шампанского и вопросительно поднимает бровь, глядя на меня.

Я пожимаю плечами, мол, а что поделать. Ни капельки не стыдно. Как по мне, так на этой вечеринке вообще к столовым приборам должен прилагаться викодин. Одни их танцы уже превзошли все пыточные приемы КГБ.

– Ты была права. – Дэвид, новый кошелек моей мамы, берет стакан виски у услужливого официанта и делает небольшой глоток. – Стоило бы раскошелиться на живой оркестр.

– У вас все еще есть время переместить всю движуху в наш самолет и метнуться в Вегас, – с издевательской ноткой говорит Фенн.

Не могу не заметить, что он сказал *наш* самолет. У Бишопов есть свой частный самолет. Мать моя женщина, что это за мир и как я сюда попал?

Когда Фенн поднимает пустую бутылку, чтобы жестом попросить еще одну, его отец отсылает официанта прочь. Фенн щурится.

– А что такое? Мы разве не празднуем?

Дэвид мельком окидывает сына взглядом.

– Я думаю, ты уже напраздновался.

– Я отойду в уборную, – говорит мама. Она останавливается около меня, чтобы стряхнуть пылинку с лацкана смокинга, и глаза у нее блестят. Ненавижу, когда она ударяется в сентиментальность. Особенно когда я постоянно оказываюсь в центре ее мимолетных прихотей и эгоистичных выходов. – Ведите себя хорошо, пока меня не будет, мальчики.

Ну уж нет. Я, мать вашу, отказываюсь быть одним из этих ее *мальчиков*.

Когда она уходит, Дэвид неловко топчется на месте, сначала глядя на часы, потом в телефон, потом обводя взглядом комнату, словно бы надеясь, что он где-то срочно нужен, но спасения так и не находит. Он застрял здесь с нами, двумя раздосадованными юнцами, которые ждут не дождутся, когда же он уйдет, чтобы осушить еще одну бутылку шампанского.

– Ну так... – У-у-у, да он вообще растерян. Что неловко для нас всех. – Вы тут как, подружились? Познакомились?

– Мне кажется, гораздо интереснее, познакомились ли *вы*, – отбивает Фенн.

Я с трудом сдерживаю удивленный взгляд. Те пару часов, что я с ним провел, Фенн был расслабленным и приятным собеседником. Может быть, этот приветливый характер он приберегает для тех, кто не его отец.

Который смущенно кашляет и поправляет пуговицы на своем смокинге.

– Ну, да, я понимаю, что это все очень неожиданно...

– Неожиданно, пап, это когда ты вдруг обоссался, – перебивает Фенн, и его голубые глаза становятся ледяными. – У тебя было время заказать цветы. Значит, и время включить мозги у тебя тоже было. – Он бросает взгляд на меня: – Без обид.

Я только плечами пожимаю. Что тут сказать. Я вообще мушка в этом торнадо.

– Феннели, послушай. Я понимаю...

– Я существую, окей? – Фенн холодно отшивает отца с безэмоциональным лицом и отрешенным тоном, и теперь мне уже кажется, что я вторгаюсь в какую-то семейную драму. – Давай не будем притворяться, будто это все не сплошной театр абсурда и эгоизма.

На лице Дэвида напрягается каждый мускул. Они с сыном до безумия похожи. Одинаковое телосложение, светлые волосы, холодные голубые глаза. И Дэвид из тех мужиков, которые едва стареют. Он мог бы сойти за старшего брата Фенна точно так же, как люди принимают мою маму, с ее длинными темными волосами и безупречной кожей, за мою сестру.

– Феннели. – Дэвид вздыхает. – Держи себя в руках, ладно? Хоть немного? Хотя бы еще пару часов.

Фенн достает телефон и утыкается в него.

– Да на здоровье.

Дэвид переключает свое внимание на меня. Уж не знаю,

ищет ли он сочувствия или поддержки, но, не получив ни того, ни другого, он стискивает зубы и удаляется проверить, как там торт.

Я пока не знаю, что думать касательно Дэвида Бишопа. Если говорить о первых впечатлениях, то начали мы не с той ноги. Несколько часов назад я вообще особо о нем не думал. Он был всего лишь очередной пассией моей мамы, которого я не ожидал увидеть в лицо. У меня было ноль причин верить, что этот мужик будет как-то отличаться от длинной череды страстных, но очень коротких романов, которые моя мать быстро заводила и так же быстро теряла и чьи имена я не то что не запоминал, но даже не стремился узнать – по крайней мере, до тех пор, пока сегодня мама внезапно не положила мне в руку набор новых запонок из ближайшего магазина.

– Извини, – говорит мне Фенн. – Это, наверное, было неловко.

Наверное? Я фыркаю вслух.

– Милые у вас отношения.

– Чел. Как мне еще это понимать, кроме как «Ой, я про тебя забыл», когда он присылает за мной самолет в четыре, чтобы отвезти меня на свадьбу, которая начинается в шесть? Портной с гребаной швейной машинкой подшивал мне штаны прямо в десяти километрах над землей.

– Сурово. – Я вздыхаю. – Я бы спросил, какие у твоего отца намерения касательно моей матери, но мы, кажется, пе-

рескочили через этот вопрос сразу до «Ты спать хочешь на верхней кровати или на нижней?»»

– Ох, черт, – говорит он, хрипя от отвращения. – Я только что понял, что твоя мама, небось, была стюардессой на этом самом самолете. Они, наверное, трахались в том же туалете, где я потом дровичил.

– Господи, Бишоп, держи свои травмы при себе, ладно?

После этой свадьбы мне будет нужен психотерапевт.

Фенн делает глоток из своей фляжки.

– Так в чем твой прикол?

– Мой прикол?

– Ну да. Интересы есть у тебя? Чем ты занимаешься, когда не сидишь на свадьбах по залету?

– Даже не шути о таком. – Если мама заявит мне, что беременна, я сажусь на поезд до Западного побережья.

К нам подходят официанты, чтобы сменить сервировку. Они открывают новую бутылку сладко пахнущего вина, которое Фенн тут же тянется попробовать.

– Ты тоже выпускаешься в этом году, да? – продолжает докапываться он. – В какой школе учишься?

А вот с этим все не так просто.

– Технически ни в какой.

– Ох, мать твою. Ты же не один из этих, которые на дому учатся, правда? – Он отодвигается от меня, словно только что вспомнил, что мы пили из одного горла. – У тебя прививки все сделаны?

– Я учился в общей школе Виндзора в прошлом семестре. Но пришлось уйти на каникулы пораньше.

– Тебя исключили. – Теперь он выглядит почти впечатленным. – Заслуженно?

– Как посмотреть. – Директриса заточила на меня зуб, стоило мне только войти в дверь. Одного взгляда на мое дело ей хватило, чтобы все для себя решить. Не то чтобы я особо старался ее переубедить.

– Что ты сделал?

– Мой друг Дерек угнал машину учителя с парковки во время пожарной тревоги.

Фенн усмехается.

– Клево.

– Мы всей компанией катались по району, пока наш школьный полицаи не выставил засаду у местного «Тако Белла».

– С пистолетами?

– Они бросили пару шипов, Дерек почти все объехал, но колесо нам все равно пробило.

– Ну и дурдом там, в этом вашем пригороде.

А еще это все брехня собачья.

Я даже не знаю парня по имени Дерек.

Но я не доверяю никому, кто пытается узнать меня получше, и уж тем более не стану раздавать подобный компромат кому попало. Свидетельство о браке еще не делает нас союзниками.

Когда мама возвращается, они с Дэвидом подзывают нас к двухэтажному белому торту и заставляют смотреть, как они друг друга им кормят. Потом начинают заливаться слезами, гротескно провозглашая свою любовь, и все, о чем я могу думать, это как бы мне выйти с кем-нибудь из официантов наружу покурить, ведь у кого-нибудь из них просто обязан быть в заначке косяк. Хотя на данный момент сойдет уже и мышьяк.

– Я даже не представляла, что однажды буду стоять здесь, – начинает мама, поднимая бокал.

«Хотя очень к этому стремилась», – чуть было не говорю я.

Я успеваю прикусить язык, но если честно? Это чистая правда. Мама меняла парней быстрее, чем масло в машине. Все мое детство она встречалась с мужиками, которые совершенно не собирались покупать ей заветное кольцо. Как бы она ни старалась, ей доставалась роль любовницы или же ею просто пользовались, пока не подвораживалась другая, больше подходящая для роли жены. Мамина работа стюардессой приносит ей нормальные деньги, но многие мужики не собирались брать замуж женщину с багажом. Под багажом я, разумеется, имею в виду себя. После всего того дерьма, которым ее годами кормили мужчины, наверное, неудивительно, что она выскочила за первого, кто, наконец, предложил. А тот факт, что она знала его меньше трех месяцев, пожалуй, здорово компенсировала гора денег.

Не то чтобы я обвиняю свою мать в меркантильности – разумеется, ей хочется финансовой стабильности. Но у нее есть типаж. И я не думаю, что мы бы оказались здесь так быстро, если бы у Дэвида не было ВВП больше, чем у какой-нибудь островной нации.

И все-таки меня радует видеть ее счастливой как никогда. Может, дело в освещении или белом коктейльном платье, но сегодня она особенно красива. Для одинокой работающей женщины, справляющейся с моей непослушной задницей вот уже восемнадцать лет, она хорошо следит за собой. Так что, может, мне нельзя винить ее за спонтанную слабость.

– Все еще не могу поверить, что это правда происходит. – Она утирает глаза платком и прокашливается. – Я так рада, что у меня теперь есть еще один сын, Феннели. Уже хочу узнать тебя получше.

И потом она начинает разглагольствовать о семье и любви, вещая мне, что мы с Дэвидом станем лучшими друзьями и что он замечательный отец – хотя Фенн, наверное, с этим бы поспорил.

Так, давайте притормозим. Я вообще впервые нахожусь с ним в одной комнате. На вид вроде ничего, нормальный. Даже приятный, наверное. И богатый, это да. Но у меня еще пока недостаточно улики, чтобы делать какие-то выводы, и я уж точно не собираюсь звать его папой.

– Я и представить не мог, что снова женюсь, – говорит Дэ-

вид, когда приходит его очередь говорить, и прижимает маму к себе, бросив быстрый взгляд на Фенна. – А потом ты улыбнулась мне, подмигнула, и я словно снова превратился в очарованного подростка. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, каждый раз, когда слышу твой голос, я словно влюбляюсь впервые в жизни.

Фенн закатывает глаза и протяжно говорит:

– Ах, если бы только мама знала, что мешала тебе встретить настоящую любовь. Может, ей тогда и не пришлось бы мучиться те одиннадцать месяцев жуткой химиотерапии, как считаешь?

– Феннели, – резко срывается Дэвид.

Я уже на полном серьезе готов отскочить, когда мама ловит Дэвида за лацканы пиджака, не давая ему сдвинуться с места.

– Все в порядке, дорогой, – шепчет она ему. А потом поворачивается к Фенну: – Я понятия не имею, как страшно с этим жить, – говорит она с грустной улыбкой. – Но я знаю, что твой папа дорожит памятью о твоей матери, и я это глубоко уважаю. Надеюсь, мы станем друзьями.

Фенн даже не смотрит на нее. Он на необитаемом острове. Я даже не знаю, почему он вообще еще сидит на стуле, когда совершенно очевидно, что ему хочется выпрыгнуть в окно, подальше от нас всех.

– Придется привыкать, – снова подает голос Дэвид. – Мы во всем разберемся вместе. Но я надеюсь, что вы оба знае-

те, как сильно мы с Мишель вас любим. – Он делает знак официанту, который выныривает из темного угла с серебряным подносом в руках. На подносе красуются две маленькие кожаные зеленые коробочки. – Так как сегодня наш общий праздник, я подумал, такое событие стоит памятного подарка.

Дэвид протягивает по коробочке с золотой тисненой короной каждому из нас. Я смотрю на свою настороженно и уже хочу сказать «нет, спасибо», как тут замечаю умоляющий взгляд мамы. Подавив вздох, я открываю коробочку. Рядом со мной сучающий Фенн делает то же самое. Внутри нас ждут одинаковые часы «Ролекс».

Энтузиазм Дэвида эквивалентен полному отсутствию реакции от нас с Фенном.

– Циферблат из метеорита, корпус из белого золота и металлические шестеренки в черном эластомере, – говорит он, и я не понимаю ни одного из этих слов. Будто на выдуманном языке. – Их делают для гонщиков, но я подумал, они будут весьма удобны и практичны для молодых людей.

– Да, конечно, пап, очень практично. – Фенн захлопывает коробочку и разве что не выбрасывает ее через плечо. – Как ты думаешь, насколько быстро в общей государственной школе Эр Джея припрут к стенке с пистолетом, если он будет такое носить?

Я не удерживаюсь от смешка, за что получаю укоризненный взгляд от матери.

– Что? Он в чем-то прав. – Потом я вспоминаю, что должен вести себя максимально прилично. – То есть спасибо. Я, ну, постараюсь быть аккуратнее.

Мама с Дэвидом переглядываются в легком отчаянии. К этому моменту они уже плывут против течения, а мы с Фенном ведем себя все хуже и хуже, так как наше терпение на исходе. Ни один из нас не хочет здесь быть, и, похоже, мы оба задаемся вопросом, почему вообще столько времени им подыгрываем.

– К слову, – говорит Дэвид и кивает моей маме, – у меня есть еще один сюрприз, если вы не против.

Мама улыбается ему и снова выглядит очарованной.

– О, дорогой. Что еще ты задумал?

– Ну, я связался с некоторыми знакомыми и смог записать Эр Джея в частную школу Сендовера на следующий семестр.

Это что, шутка?

Частная школа?

Ничем хорошим это не кончится. Учиться в окружении кучки напыщенных придурков в галстуках-бабочках, потягивающих латте с грудным молоком их нянечки? Нет уж, спасибо. Внезапно мне становится крайне интересно, успеваю ли я еще на поезд из города. Даже междугородный автобус сойдет. Я бы отлично вписался в компанию скейтеров и пляжных завсегдатаев в Венеции, может, отшлифовал бы свои навыки карманника, гуляя по публичным вайфай-сетям различных кафе в поисках легкой добычи. Что угодно, толь-

ко не школа уродов.

– Правда, Дэвид? Это же замечательно! – Мама переигрывает с восторгом, глядя на меня с отчаянным напором. – Разве не замечательно, Эр Джей? Это же такая возможность!

Что переводится как: *«Постарайся не вылететь на этот раз, ладно?»*

– Да уж, такая возможность, – издевательским эхом откликается Фенн, явно позабавленный новостью. – Частная школа Сендовера славится своей академической программой, идеальными студентами и... Ах, нет, погодите, это я про какую-то другую частную школу. – Он бросает взгляд на маму, чье лицо становится растерянным. – Жаль вам это сообщать, новая жена моего отца, но в Сендовер посылают отморожков. – С беззаботным смехом он тычет себя пальцем в грудь. – Вот меня, например.

Мама переводит взгляд на Дэвида, который поспешно вмешивается:

– Феннели преувеличивает. Сендовер – это одна из лучших школ Восточного побережья. Среди их выпускников два бывших президента и обладатели стипендии Родса. Я тебе обещаю, Эр Джей там получит наилучшее образование и потом сможет гарантированно поступить в любой колледж, который только захочет.

Пока Дэвид продолжает ее утешать, Фенн с кислой усмешкой наклоняется ко мне и беззлобно подкалывает:

– Поздравляю, братишка. Добро пожаловать в школу для

лузеров.

Глава 2. Слоан

В Нью-Гэмпшире уже несколько недель не видели ни капельки дождя. Даже трава задыхается от жары. Земля сухо и ломко хрустит под моими быстрыми размеренными шагами. Ощущение, словно бежишь по рисовой бумаге. Деревья по обе стороны от тропинки отбрасывают тень, но это особо не спасает. Пенни и Бо, наши золотистые ретриверы, вроде не жалуются, но тоже пыhtят гораздо сильнее обычного.

– Я думаю, короткой дорогой сегодня вернемся, ага?

Когда я не отвечаю, сестра пихает меня локтем, успешно возвращая с небес на землю.

– Прости, – говорю я, – задумалась немного.

– Или у тебя солнечный удар, – подкалывает Кейси, бегущая рядом со мной.

Духота стоит страшная. Кажется, я почти чувствую, как мой мозг превращается в жидкость, пока мы бежим по протоптанной тропинке посреди зеленых просторов Сендовера. Через несколько дней вся эта территория будет заполнена молодыми парнями в расцвете пубертатного периода и их подростковыми выходками. Но до тех пор это место полностью принадлежит нам. Наше личное царство зеленых лужаек, кирпича и плюща.

Правда, когда студенческий городок пустеет, тут легко почувствовать себя призраком, воющим среди заброшенных

беседок, невидимым и недосыгаемым. Даже начинаешь сомневаться, живая ли ты, пока не подъезжают дорожные машины и пошлый свист не начинает провожать тебя всю дорогу от холма и сквозь деревья.

– А ведь если подумать, – говорю я, хлопая в ладоши, чтобы уронившие было головы Бо и Пенни не отставали от нас, – они отбегают поближе к Кейси, как будто я какая-то злая сводная сестра, – где-то наверняка есть девушки, которые перерезали бы глотку лучшей подруге за возможность пожить в мальчишеском студенческом городке.

Кейси фыркает.

– Да на здоровье. Даю им неделю, прежде чем они сбегут куда подальше от этой вони.

Она в чем-то права. К сентябрю повсюду начинает витать отчетливый запах, впитывающийся в каждую стену, комнату и коридор. Сколько бы здесь ни было уборщиков и сколько бы аммиака они ни выливали повсюду, мальчишки все-таки животные, и с этим ничего не поделаешь.

Но вид все же иногда бывает живописный.

– Что думаешь насчет школы Святого Винсента? – спрашиваю я сестру. – Готова?

– Конечно, – отвечает она подозрительно быстро.

– Это нормально, если ты...

– Да нет, я понимаю. Ничего особенного. – Она улыбается и смахивает пот со лба. – Можно начать все с нуля и так далее. Вся в предвкушении. Просто хочется, чтобы уже на-

чалась учеба, а то ожидание меня убивает.

Я даже не знаю, приукрашивает она ради меня или ради себя. Факт есть факт, мы обе рады возможности обратиться куда подальше от Академии Балларда и всей той драмы. Я целое лето не разговаривала ни с Милой, ни с кем-то еще из моих старых друзей. Не то чтобы я ожидала от них извинений. Мила с девчонками могут подавиться насмерть своими безглютеновыми веганскими батончиками, я и глазом не поведу.

– Никогда не стыдно признаться, что ты не в порядке, – говорю я Кейси. Что бы она ни говорила, я знаю – с ней все не так уж и хорошо. Может, перевод в Святого Винсента и звучит, как решение проблемы, но слухи и сплетни не останутся в Балларде. Они последуют за ней повсюду, и мне больно об этом думать.

Она улыбается мне своей фирменной солнечной улыбкой.

– Ты слишком много волнуешься.

Не знаю, как она умудряется продолжать улыбаться. Откуда берется этот свет и как она сохранила его после всего произошедшего. Если бы со мной случилось подобное, я бы ухнула в такую глубокую и черную яму, что шахтеры бы пропадали без вести в попытках меня откопать.

– А мне нравится волноваться. Уже практически хобби. Это как камни коллекционировать, знаешь? Достаю свои тревожные жемчужинки из мешочка и полирую их.

Кейси смеется, и мне становится еще грустнее. Может, ее

смех и звучит точно так же, как раньше, но меня не покидает мысль, будто все это ложь. Она не хочет показывать слабость перед старшей сестрой, уж точно не после того, как месяцами собирала себя по кусочкам.

– Ты невыносима. – Она спихивает меня плечом с тропинки, свистит собакам и набирает скорость, оставляя меня в облаке пыли. – Кто быстрее!

Раздается вибрация моего телефона, и я достаю его из заднего кармана, давая ей фору. Ожидаю увидеть звонок от отца, интересующегося, как я посмела вытащить его драгоценную милую Кейси в этот солнцепек, но на экране высвечивается вариант похуже.

Мой бывший.

Вопреки голосу в голове, говорящему мне сбросить звонок, я отвечаю.

– Чего тебе, Дюк?

– Так ты не заблокировала мой номер. – Он звучит так самоуверенно, что я мгновенно вспоминаю, почему игнорировала его сообщения. Дюк из тех невыносимых придурков, которые подмигивают тебе с полным ртом кровищи и нарываются на второй раунд.

– Это легко поправимо, – отвечаю я максимально холодно и безразлично.

– Я скучаю по тебе, – без тени смущения продолжает он. – Жду не дождусь, когда вернусь и снова увижу тебя.

Ха. Это должно было мне польстить? Я уже слышала его

заигрывающий томный тон раньше, когда он звонил мне в три часа утра и пытался уговорить пролезть в его общежитие. Два года примирений и расставаний выработали во мне иммунитет к его подкатам. На данный момент мы снова свободны, и я намереваюсь так это и оставить. Дюк, конечно, горяч, но отношения наши были чересчур нездоровыми. После определенного количества примирительного секса начинаешь задаваться вопросом – неужели нельзя с кем-то спать без ежесекундных скандалов?

– Уж извини, – сообщаю я ему, – но ждать ты можешь только баллардских новеньких и городских.

– Эй, ну не кусайся. Я же хорошо себя веду.

– Между нами все кончено, Дюк. Забудь.

Кейси возвращается за мной и закатывает глаза, осознав, с кем я говорю.

– Это ты сейчас так говоришь, – упирается он, – но мы оба знаем, что ты не можешь передо мной устоять. Скоро увидимся, детка.

Я кладу трубку, рыкнув на телефон. Какой же козел.

– К ужину уже снова будете вместе, – говорит Кейси.

– Пусть катится к черту.

– Это я уже слышала.

– Единственная любовь Дюка – это он сам, и развода у них не предвидится.

– И это тоже уже слышала.

На этот раз я рычу *на нее*, но она лишь смеется в ответ.

Что бы она там ни думала, ничего не будет. Сколько можно кататься на одной и той же карусели? Честно сказать, я в этом году не планирую даже заходить в этот парк развлечений. Устраиваю перерыв от парней. Отдыхаю от членов. Я выпускница. Все это, конечно, было очень весело, но пора бы всерьез задуматься о своих оценках и будущем. Неплохих результатов недостаточно, если я хочу бегать в числе лучших в колледже. Видит бог, администрацию вряд ли заинтересует мой рекорд по выпиванию бухла вверх ногами или мои звездные титулы в бир-понге. В этом году надо сосредоточиться.

А значит, никакого больше Дюка.

И никаких вылазок на вечеринки с Сайласом и пацанами.

И никакого отлынивания в классе с мечтами выскочить наружу, на беговую дорожку.

Мне уже восемнадцать. Я почти что взрослая – ну, или очень пытаюсь ею быть. В этом году мне совершенно нельзя отвлекаться.

Когда мы возвращаемся домой, собаки залетают в двери вперед нас и чуть не сшибают друг друга по дороге к миске с водой.

– Девочки? – окликает нас папа из кухни.

Кейси бросает на меня взгляд.

– Ой-ей. Мне кажется или что-то горит?

Мы скидываем ботинки и следуем за едким запахом на кухню, из которой тянутся струйки дыма. Папа стоит над

плитой, на каждой конфорке по кастрюле.

– Не уследил я за картошкой, – расстроено говорит он, целуя Кейси в щеку, когда та достает бутылку воды из холодильника. – Ты какая-то бледная, солнышко. Все в порядке?

– В норме. – Кейси делает большой глоток воды. – Там просто жарко.

Папа мгновенно переводит взгляд на меня.

– Не надо ее перенапрягать. Не заставляй ее гоняться за тобой.

Я пожимаю плечами.

– Это она предложила возвращаться наперегонки.

– И я бы тебя сделала. – Кейси изображает краткий издевательский танец, размахивая хвостом светлых волос.

– Ничего подобного. Я бы тебя обставила, даже если бы бежала задом наперед.

– Слоан. Я жду от тебя большей осторожности. – Папа хмуро смотрит на меня. Сам себе что-то придумал, сам на меня взелся. – Еще не хватало, чтобы кого-то хватил солнечный удар.

Мы все в курсе, что под «кем-то» он имеет в виду Кейси. Потому что она у нас малышка. Маленькая и хрупкая, еще не сломанная и не закаленная безвозвратно.

– Да ладно тебе, пап, – пытается вмешаться Кейси. – Расслабься. Кому-то же надо держать Слоан в форме перед соревнованиями.

– Иди попробуй, – протягивает он ей ложку, совершенно

проигнорировав сказанное.

Для нашего отца Кейси стеклянная, а я каменная, и никому из нас никогда его не переубедить. Даже до того случая с Кейси он принимал как должное, что со мной не надо нянчиться, что я всегда все выведу и буду сильной.

К сожалению, когда от тебя постоянно ждут, что ты будешь «сильной», то и сломаться недолго. Такое ощущение, будто мне всегда достаются все шишки, не говоря уже о моих собственных проблемах, а любое проявление слабости он принимает за личное оскорбление.

Вечно так жить нельзя, и мое терпение на исходе.

Но колледж, к счастью, уже буквально за углом. Еще один год, и я наконец смогу поставить в приоритет себя. Отстраниться от вечных упреков и выяснить, каково это, снова чувствовать себя человеком.

Телефон в кармане опять начинает вибрировать, и мне даже не надо смотреть на него, чтобы догадаться, что это опять Дюк со своими жалкими попытками взять меня измором.

Не в этот раз.

Новый год, новая стратегия.

Ни на что не отвлекаться. И совершенно точно никаких парней.

Глава 3. Эр Джей

– Так ты правда уезжаешь, да?

Жюли одергивает боксеры, которые, возможно, когда-то были моими, и натягивает широкую футболку через голову, не разрывая при этом зрительного контакта. Хочет, чтобы я смотрел, как она одевается. Таким образом она ставит на этом всем своеобразную точку. На нас.

– Судя по всему. – Сидя на краю ее кровати, я натягиваю джинсы.

– Жалко.

Она ищет зажигалку по всей комнате, потом вытягивает косяк из коробочки из-под конфет. Поджигает один конец, сдувает угли и топчет их прямо на деревянном полу. Мне всегда нравилось, как она выглядит, когда закрывает глаза и затыгивается.

Она выдыхает дым за окно и предлагает косяк мне. Пока я делаю затяжку, она прикусывает губу и обводит взглядом шоколадных глаз мою обнаженную грудь. Еще меньше десяти минут назад она облизывала каждый сантиметр этой самой груди языком.

– Мне еще не совсем наскучила эта наша интрижка, – признает она.

Я выдыхаю дым в окно.

– Все хорошее однажды...

Забрав косяк из моих губ, она забирается на кровать и приваливается к спинке, пока я ищу свою футболку и надеваю ботинки.

– Окей, хорошо, – откликается она, – я знаю, когда меня отшивают.

– Да ладно тебе. Мы оба знаем, ты едва ли будешь скучать. – Она всегда была скупа на эмоции, и этот случай не исключение. Ей просто нравится меня донимать.

– Откуда ты знаешь! – протестует она, что вызывает у меня усмешку. – Ну правда же обидно, что тебя не будет этот последний год.

– Ага. Ну, с исключением не поспоришь.

– И по такой дурацкой причине. – Она смеется. – Лоханулся, как полный чайник.

– Осторожнее, кексик.

Она фыркает в ответ на мое предостережение.

– Ой, посмотрите на меня, я, хронический троечник, сейчас взломаю электронный журнал и поставлю себе сплошные пятерки. Надеюсь, никто не заметит.

– Ладно, я признаю, пожадничал. Запомню этот урок.

Честно говоря, я как-то не думал, что перегруженные учителя в публичной школе, где им едва платят, обратят на это внимание. Или что их это будет волновать. Я ведь даже не для себя это, если по правде. Я подумал, будет классный подарок маме на день рождения. Чтобы она почувствовала себя лучше, мол, я все-таки не полный неудачник. Лучше бы цве-

ты ей купил. Или хотя бы не лез в оценки по тому предмету, где учитель ненавидел меня сильнее бумажных порезов.

– Сделай себе одолжение. – Жюли тушит косяк и зажигает ароматную свечу у кровати. – Попытайся не влезать в неприятности.

Я пожимаю плечами.

– Это невозможно.

Мы прощаемся, обнявшись. Так проще. Быстро, чисто, никакого притворства, как будто кто-то из нас вкладывал в эти отношения какие-то эмоции. Даже если дело было не только в сексе, я достаточно часто менял школы, чтобы знать, как правильно уходить. Когда ты постоянно переезжаешь, перестаешь привязываться к людям. Все когда-то кончается.

Я паркую свой старенький джип у нашего маленького домика на проспекте Филлипса, возле которого грузчики таскают мебель в грузовик. Даже не успеваю войти внутрь, как до меня доносится звук разматываемой катушки скотча. Переезд в этой семье – это целый ритуал. Запах картона. Пустые комнаты. Пылинки, парящие в косых солнечных лучах. Все это родное, как куриный бульон.

– О, Эр Джей, вот ты где. – Мама появляется из-за колонн коробок и хмурится, глядя на наручные часы. – Грузчики уже несколько часов как здесь, где ты пропал?

– Прощался.

– Ну, давай, подключайся. – Она сует мне в руку толстый

черный маркер. – Мне надо, чтобы ты решил, что отвезти в Гринвич, что отправить в Нью-Гэмпшир, а что пожертвовать.

– Пожертвовать? – Я и не знал, что мы от чего-то избавляемся.

– Ну да. – Мама сдувает волосы с лица и утирает пот. От нее валит хаотичная, прямо-таки восторженная энергия, от чего я тоже начинаю заводиться. – У Дэвида уже есть мебель, в сто раз лучше, чем это скрипучее старье. Начнем все с нуля. Чистый лист.

– Ну, ладно тогда. Оставлю тебя с твоими лакеями разбираться. Я напихаю сумку одежды, и мне хватит.

– Нет, я серьезно. Тебе придется приложить побольше усилий. – Она практически волоком оттаскивает меня в мою комнату, где часть мебели уже разобрана по коробкам. – Ярлыки чтоб были на всем, хорошо? Обязательно пометь все, что хочешь отправить в Сендовер.

– Ага. А ремни и шнурки можно отправлять? А то вдруг их надсмотрщик конфискует.

Она мгновенно мрачнеет, и я понимаю, что переборщил. Я не всегда стараюсь быть таким хамом. Ну, по крайней мере, не по отношению к ней.

Мамин голос становится тише.

– Так для тебя все это выглядит? Скажи мне честно, ты злишься, что я отправляю тебя в частную школу?

– Я пошутил. Все нормально.

– Нет, поговори со мной. – Она тянет меня за руку, чтобы я сел на кровать рядом с ней.

Когда я ничего не говорю, она проводит рукой по моим волосам, пытаясь заглянуть в лицо. Боже. Всегда так тупо, когда она проявляет эту материнскую заботу. Ей это просто не свойственно. Не то чтобы она была ужасной матерью, мы всегда неплохо находили общий язык, но что касается семейных уз – наши никогда не были так уж сильны. Особенно учитывая, что она редко бывала дома и больше заботилась о себе, чем о том, что происходило со мной.

Я ее понимаю, так-то. Она не планировала заводить ребенка в девятнадцать лет. Всякое случается. То, что она не оставила меня в автобусе или на пороге пожарного участка, – это уже больше, чем мой отец когда-либо для меня сделал. Так что грех жаловаться. Но эти вот разговоры по душам никогда не давались нам легко. В тех редких случаях, когда они происходили, мы словно превращались в актеров из телевизора.

– Это не наказание, ты же знаешь? Я не пытаюсь от тебя избавиться. Дэвид подумал, тебе это пойдет на пользу. Может, будет меньше проблем, – очень тактично добавляет она.

– Я серьезно, все в порядке. – Если уж у меня есть выбор, то я бы предпочел не сидеть в особняке, пока они обжимаются по всем углам, и не пытаться угадать, не трахали ли только что мою мать вот на этом кухонном столе. – Да и вообще, мне не впервые быть одному.

Мое детство было кладбищем готовых обедов и кордебок из-под пиццы. Быстро учишься самостоятельности, когда твою маму носит по всей стране в качестве стюардессы. Пока она охотилась на холостяков в бизнес-классе, я размораживал остатки еды с прошлой недели.

Ну что же, наконец-то эта тактика принесла свои плоды.

– Ну, к счастью, ты будешь в Сендове́ре не один. С тобой будет Феннели, – весело говорит она. – Он тебе там все покажет.

Я более чем уверен, что блондинчик мне покажет исключительно содержимое шкафчика с бухлом и не более.

– И попытайся быть с ним терпеливее, ладно? – продолжает она. – Дэвид говорит, Феннели все еще не нравится наш брак.

У меня вырывается смешок.

– Не нравится? Мам, я думаю, этот парень каждую ночь с самой вашей свадьбы гуглит, как бы подать на развод без вашего участия.

Ее улыбка меркнет.

– Он привыкнет. Правда же? – Непонятно, она утверждает или спрашивает.

– Да, конечно, – вру я. – Со временем.

– Может, ты с ним поговоришь, убедишь его, что этот брак не так уж плох. – Она вскидывает бровь. – И да, может, попробуешь поменьше разыгрывать одинокого изгоя и завести друзей?

– У меня есть друзья, – ворчливо отвечаю я.

– Интернет не считается, Эр Джей. Умрешь ты, что ли, если чуть пообщаешься с людьми?

Пообщаться? Да на кой черт мне это сдалось? Мне и «одиноким изгоем», как она выразилась, неплохо. На что тут жаловаться? Я зарабатываю прилично денег онлайн. Я достаточно симпатичен, чтобы легко цеплять девчонок, так что секса тоже предостаточно. Мне не нужно подлизываться к одноклассникам и притворяться, будто мне есть дело до местной спортивной команды или их планов на колледж. Ну да, кто-то может сказать, что у меня глобальные проблемы с доверием, но пусть идут к черту. Я волк-одиночка. Всегда им был, всегда буду.

– Ты отлично справишься, солнце. – Она целует меня в висок и тискает за щеки. – У меня хорошее предчувствие, ага?

Я ободряюще улыбаюсь, как ей того и хочется. Главным образом, мне просто не хватает духу сказать ей, что, если история и правда циклична, то нас уже ждут билеты в первый ряд на фееричный фильм-катастрофу.

Глава 4. Фенн

Все фрики и демоны выползают из своих щелей на вечеринку по случаю конца лета. Я уже успел увидеть больше проколотых сосков, чем верхов от бикини, и более чем уверен, что Лоусон только что проводил сестер Сир на заднее сиденье «Мерседеса» своего отца, держа бутылку мескаля в одной руке и пакетик кокаина в другом. Если мы все выживем этой ночью, то выпускной год будет абсолютно сумасшедшим.

Хоть мы и знакомы уже несколько лет, я был в доме Лоусона в Саутгемптоне всего пару раз, и то, кажется, ни разу не видел всех комнат. Особняк у него просто огромный, в старомодном вычурном стиле, со всеми прилегающими комнатами, больше напоминающими палаты. Бога ради, да у него даже бассейна два. И никто до сих пор не может понять, чем именно занимается папаша Лоусона, ну, кроме того, что он первоклассный козел. Из того, что я понял, мистер Кент кто-то вроде правового «консультанта», который к тому же разбирается в финансах и был советником двух администраторов Белого дома. Гребет изо всех кормушек и карманов одновременно.

– Бухло потерял? – Мой друган Сайлас находит меня, когда я, пытаясь ориентироваться по звуку голосов, иду обратно из одного из одиннадцати туалетов, которые пришлось

обыскать, чтобы найти свободный. Он сует мне в руку хрустальный стакан. – Кто-то вломился в местный винный погреб.

У меня вырывается смешок.

– Ух, батя Лоусона укоротит ему жизнь лет на десять.

– Это точно. Куда он подевался, кстати? Я его не видел с тех пор, как он разжег костер на теннисном корте.

– Он в гараже, в середине сэндвича из сестер Сир.

Сайлас обреченно кивает. Не то чтобы он не умел веселиться, но среди нас всех он больше всего похож на сопровождающего учителя. Небольшой ущерб имуществу и жалобы на шум остановить не под силу никому, но Сайлас обычно старается свести драки и увечья к минимуму, когда у него есть такая возможность. Удерживать Лоусона от решений, о которых тот потом пожалеет, он тоже пытается, но это уже из разряда фантастики. За эту неблагодарную работу ему не платят, и график на ней отвратный, но Сайлас все никак не уволится. Хороший он чувак, чего не могу сказать об остальных из нас.

Мы проходим через дом, и в каждой комнате нас встречают разнообразные линчевские экспозиции подросткового возраста. Пара девчонок из Балларда, покрытые татуировками и одетые в короткие топики, приглашают нас сыграть в гигантские шахматы бесценными скульптурами, которые они насобирали по всему дому. Сайласа едва инсульт не разбивает от дурного предчувствия, и он отходит от них подаль-

ше.

– Ты не можешь спасти его от самого себя, – напоминаю я Сайласу.

Лоусон – существо из чистого хаоса. Никому не покорить этот ураган.

– Наверное. Но и участвовать в этом я тоже не буду.

В итоге мы оказываемся у плавательного бассейна, где проходит довольно-таки скромное соревнование голых девиц. Чтобы отвлечь друга, я решаю познакомиться с кем-то из новых участниц.

– В какой школе учитесь? – спрашиваю я пару почти одинаковых блондинок. Честно говоря, зрение у меня уже садится, и в этом освещении я вижу только цвет волос и сиськи.

– Долтон, – говорит одна из них.

– Это в городе.

Я подношу стакан к губам.

– И в каком вы классе?

Они, очевидно, собираются соврать, прежде чем одна из них не выдерживает и выпаливает:

– Мы десятиклассницы.

Сайлас предупреждающе смотрит на меня, взглядом говоря прекратить.

– И откуда вы знаете Лоусона? – с подозрением спрашиваю я.

Девчонки переглядываются и хихикают на своем тайном девчачьем языке.

– Из города.

Да чтоб тебя. Лоусон уже пометил эту территорию. Не то чтобы раньше наши пути, так сказать, не пересекались, но у меня прямо-таки не стоит, если я знаю, что он уже с ними был.

– Он и правда знает всех и всюду, – отвечаю я. – Сайлас, кстати, обычно не такой разговорчивый. Прошу простить за то, что он не затыкается.

Он с саркастичной усмешкой показывает мне средний палец.

Технически у Сайласа есть девушка, но ее здесь нет, да и не верю я, что они хоть в каком-то плане совместимы. Они больше похожи на давно женатую пару, которая вместе так давно, что разводиться им просто лень.

– Как лето провели? – нехотя включается в разговор Сайлас, когда я пихаю его локтем. Пусть ненавидит меня, но парню серьезно нужно развеяться.

– Я помешалась на летней Олимпиаде, – говорит одна из девиц. – Типа, я шесть часов подряд смотрела корейскую стрельбу из лука или вроде того. Затягивает.

– О, а вы знали, что Сайлас вообще-то пловец? – говорю я. – Покажи ей пресс, бро.

– Прекрати, – огрызается он на меня.

Ее глаза превращаются в блюдца.

– Ой, правда? Пловцы такие горячие.

Я почти слышу, как он мысленно рычит. Даже ожидаю,

что он спихнет меня в воду. Но тут я замечаю горячую брюнеточку в черном бикини, которая смотрит на меня с той стороны бассейна, и выпадаю из разговора, пока Сайлас не оттаскивает меня в сторону под предлогом закончившегося алкоголя в стакане.

– Это было жестоко, – стонет он, ероша рукой свои короткие волосы. – Сделай мне одолжение, прекрати пытаться делать мне одолжения.

– Да ладно тебе. Так, небольшой перекус для расслабона. Тебе же не обязательно с ней спать. Небольшой минет от незнакомки, ничего такого.

– Мужик, серьезно, найди себе хобби.

– Эх, и где Гейб, когда он так нужен? При нем ты бы не был таким занудой, – ляпаю я, не подумав, и тут же жалею об этом. Как будто мне нужно было лишний раз вспоминать, как дерьмово все стало с тех пор, как Гейба забрали. Мы с ним никогда не проводили столько времени врозь, и мне до сих пор не верится, что его здесь нет. Мы были неразлучны с детского сада.

– От него так и нет новостей? – Сайлас наклоняет голову набок, пристально глядя на меня.

– Не-а. На прошлой неделе написал его отцу, и через пару дней мне ответили, мол, отвали и номер этот забудь.

– Не понимаю. – Сайлас тоже пытался связаться с Гейбом, с тем же успехом, что и все мы. – Ну да, мистер Киприан никогда тебя особо не любил, но то, что он даже не хочет

сказать нам, где Гейб сейчас и что с ним... это отвратительно. Откуда мы знаем, может, его вообще автобус сбил. Вчера был, сегодня нет.

– Он в военном училище, это-то мы знаем, – напоминаю я Сайласу.

Мокрый шлепок звоном отдается в ушах, и я морщусь. Это Джесси Бушвелл прыгнул в бассейн с крыши раздевалки и приземлился на живот. Его тело секунду просто плавает на поверхности воды под всеобщую ошеломленную тишину, а потом он победно вскидывает вверх руки, и все взрываются одобрительными воплями. Его живот похож на задницу порнозвезды после того, как ее отшлепали.

– Ну, значит, он хотя бы живой, правильно?

Я снова смотрю на Сайласа и киваю.

– Я летом смог достучаться до его брата, но даже Лукас не знает, куда Гейба упекли. Домой он не возвращался.

– Мне, конечно, на него тоже не плевать. – Сайлас не нарочно иногда звучит как осуждающий старик. Он не виноват, что у него такое раздутое чувство морали. – И не хочу быть занудой. Но продажа наркоты рано или поздно должна была ему аукнуться.

Нас снова перебивают: на этот раз кто-то выкручивает музыку, доносящуюся из встроенных в землю динамиков. Она и до этого была громкой, а теперь становится и вовсе оглушительной. Спустя секунду перед нами снова предстает Лусон, одетый в одни только плавки. Сестер Сир нигде не ви-

дать, но можно не волноваться – наш друг стоит в одиночестве лишь долю секунды, прежде чем к нему подкатывает какая-то телочка. Еще момент, и она уже водит наманикюренными ноготками по всей его обнаженной груди. Черт возьми, этот парень цепляет девчонок, даже когда не старается.

Проследив за моим взглядом, Сайлас качает головой, видя, как девчонка на открытой ладони протягивает Лоусону что-то из нелегальных угощений. Сверкнув серыми глазами, он убирает со лба пряди разлохмаченных волос, берет крохотную таблетку и бросает себе под язык, приобнимая девушку за талию мускулистой рукой. Этот чувак только что трахнул двух других девчонок и уже переходит на третью. Плейбой – это слишком мягкое слово для Лоусона Кента.

– В какую бы дыру Гейба ни упекли, у него скоро появится сосед, – со вздохом комментирует Сайлас. Судя по всему, он решил отпустить поводок на эту ночь и дать Лоусону разгуляться. Иногда нужно уметь признавать поражение.

Я залпом выпиваю остальное содержимое стакана, и у меня снова портится настроение.

– На хрен отца Гейба. Да всех отцов вообще на хрен.

– Ах, да. – На его лице появляется издевательская усмешка. – Я и забыл. Как прошла свадьба? Успел узнать имя новой мачехи до алтаря или нет?

– Мисси? Мишель? Какая разница. Я был накурен, когда приехал, и пьян, когда уехал. Сказал секретарше отца, пусть запишет куда-нибудь.

Тетка вроде неплохая для бортпроводницы, которая вылезла непонятно откуда. Уж извините, если скоропостижность этой свадьбы меня немного настораживает. Просто надеюсь, что отец подписал брачный договор, прежде чем брать в жены стюардессу.

– А братишка твой новый как?

– Да вроде ничего так, нормальный. Себе на уме, правда. Оказывается, его подселяют на место Гейба, так что будем соседями.

Сайлас улыбается, и мне не нравится быть причиной его веселья.

– Ах, принудительное общение, лучший способ сделать семью крепче. И что он натворил, чтобы попасть на Остров Потерянных Мальчишек?

– Да машину свистнул, ничего особенного, – подмигиваю я. – Вы двое подружитесь.

– Да пошел ты.

Улыбка мгновенно исчезает с лица Сайласа. Он не любит вспоминать о том, как вылетел из Балларда, потому что напился и разбил машину директора об ворота на футбольном поле. Как он умудрился угодить в маленький предмет на огромном пустом пространстве – без понятия. Повезло, видимо.

В моем кармане звякает телефон, и стоит мне его достать, как мой пульс учащается.

Кейси: *Так когда ты приезжаешь? Надо будет встретиться.*

– Сосед тебе там пишет? – подкалывает Сайлас.

– Не, это Кейси. – И опять я ляпаю, не подумав. Совсем забыл, что пацаны не в курсе про эту мою новую дружбу.

– Серьезно? – Сайлас вскидывает бровь. Черт, совсем не прикольно оказаться на другом конце подобных взглядов.

– Что?

– Никаких «что». Она хорошая девчонка, Фенн. И несовершеннoлетняя.

– Ты все не так понял. – Я пожимаю плечами. – Мы просто болтали немного летом. Ничего такого.

– Так вы теперь друзья?

– И что в этом странного? Мы подружались после того происшествия. Ты же был со мной, помнишь? Когда мы заходили ее проведать?

Это воспоминание заставляет его дернуться. Все так реагируют на упоминание случая с Кейси. От него у меня становится тяжело в животе, и с прошлого семестра груз не стал легче. Я бы сказал, стало только хуже.

– Да, но я не знал, что ты взял у нее номер телефона, стоило мне отвернуться. – Он делает угрожающую паузу. – Слоан это не понравится.

– Слоан знает про нашу дружбу, все в порядке. – Это только отчасти ложь. Да, сестра Кейси знает, что мы дружим. Но

она уж точно не в порядке по этому поводу.

Сайлас закатывает глаза.

– Ага, да. Я не вчера родился. Слоан наверняка в бешенстве.

– О нет, мы же никак не можем расстроить твою лучшую подружку Слоан, – саркастично говорю я. – Упаси боже.

Он хмурится на секунду, а потом обреченно трясет головой.

– Просто не сломай бедную девочку, чувак.

– Ничего такого нет, Сай. Расслабься.

Он настороженно смотрит на меня.

– Хотелось бы мне тебе верить.

– Так поверь.

– Проблема в том, что я слишком давно тебя знаю.

Восхитительно. Даже один из моих лучших друзей считает меня эгоистичным ублюдком.

– Я не подкатываю к Кейси. Она не в моем вкусе.

А вот Мисс Брюнетка в Черном Бикини как раз ловит мой взгляд издалека, исчезая за углом с двумя бутылками пива в руках.

Понял-принял.

– А теперь прошу меня простить, – говорю я Сайласу, – но меня призывают силы, которые как раз в *моем* вкусе.

– Предохраняйся! – орет он мне вслед, и я салютую ему средним пальцем, уходя.

Никто лучше меня не знает, что ядовитый парень вроде

меня совершенно не подходит такой девушке, как Кейси. Вот только ей об этом я сказать все никак не могу.

Может, я и правда такой эгоистичный ублюдок, каким меня считает Сайлас.

Глава 5. Эр Джей

Я как будто попал в ужастик. «Лендроверы» на фоне оранжевого неба выгружают учеников и коробки с вещами. После этого кадр должен смениться на ночной пейзаж с колокольней, одинокого первокурсника во дворе и темную фигуру, заносящую крюк мясника над его головой. Ну правда же, неспроста огромная часть таких фильмов происходит в закрытых частных школах анклавов Новой Англии.

– Звоните, если что-то забыли, – говорит мама, ероша мои волосы, словно я зверушка, которую привезли к ветеринару. – Отправим экспресс-доставкой.

– И пользуйтесь кредитными карточками, если что-то понадобится, – добавляет Дэвид.

Этим вечером пятницы наши родители высаживают нас у дверей общежития для старшекласников. Они настояли на том, чтобы поехать с нами, хотя Фенн и протестовал до самой отправки.

– Садись, пять, Дэвид. – Фенн даже глаз не поднимает от телефона, чтобы в очередной раз подколоть отца. – Батя года. Можешь ехать.

Он ведет себя так с самого отъезда из дома. Под домом я, разумеется, подразумеваю отвратительно богатый особняк в Гринвиче, где мы с матерью теперь живем. Правда, я там пробыл всего пару дней, прежде чем пришло время переби-

раться в Нью-Гэмпшир, так что даже не успел осмотреть все десять спален и двенадцать ванных комнат. Откуда я знаю, может, в остальной части дома жуткий бардак и помойка. В самом деле, во всей огромной кухне, которая сама по себе уже была больше размером, чем весь наш старый дом в Виндзоре, нашлась всего одна кофемашина за тысячу долларов. Что за плебеи?

Мама на седьмом небе от счастья с самого переезда. Всю мою жизнь она прислуживала богачам в бизнес-классе и теперь, став одной из них, наслаждается каждой секундой. Даже не сосчитаю, сколько раз она прошептала мне на ухо: «Я чувствую себя принцессой!», пока прислуга Дэвида подавала нам ужин прошлым вечером.

Ну а я чувствовал себя не в своей тарелке. Мои потрепаные кеды не должны ступать по мраморным полам. Моя небритая физиономия не должна отражаться в позолоченных зеркалах моей личной ванной с джакузи. И это я еще не успел полностью прочувствовать радикальную смену стиля жизни, как мне уже снова нужно было переезжать.

– Если что понадобится, дай знать. – Полностью проигнорированный собственным сыном, Дэвид поворачивается ко мне. – Звони в любое время дня и ночи. Мы рядом.

– Пошли. – Фенн взваливает кожаную спортивную сумку на плечо и кивает мне. – Нам на третий этаж.

Мама сгребает меня в одно последнее объятие. Глаза у нее на мокром месте, но я думаю, они высохнут, как только она

останется наедине с новым муженьком. Да, отправить меня сюда была не ее идея, но поддержала ее она молниеносно.

Должен признать, впрочем, – из всех тюрем, в которых я мог оказаться, Сендовер еще не самый худший вариант.

Внутри все отделано кожей и красным деревом. Коридоры увешаны картинами в золотых рамах, что делает помещение больше похожим на музей, чем на место заточения монстров школьного возраста. Максимально дешевыми дизайнерскими решениями типичной общей школы или государственно-го общежития тут и не пахнет.

– В той стороне общая гостиная. – Фенн тычет пальцем в нужном направлении, когда мы поднимаемся на свой этаж. – Некоторые зовут ее залом. А вон там пара общих туалетов.

Проходя мимо, Фенн кивает парню с растрепанными волосами по плечи и лицом кинозвезды. Он стоит у входа в свою комнату, одетый в одни только черные шелковые боксеры, с незажженной сигарой в зубах и рюмкой в руке, словно устраивает у себя плейбой-вечеринку, не меньше. Парень изумленно сверкает серебристыми глазами и вскидывает бровь, глядя на меня. Есть подозрение, что он будет не первым, кто задастся вопросом, что в таком месте делает отброс вроде меня, в рваных джинсах и старой футболке с символикой какой-то группы.

– А вот и наша. – Фенн останавливается перед третьей дверью с конца коридора.

Наша комната больше, чем я ожидал. По центру распола-

гается крупная зона отдыха с диваном, парой кресел и телевизором в шестьдесят пять дюймов. По обе стороны комнаты стоит по двуспальной кровати, шкафу, письменному столу и комоду в тон. Все это украшено деревом и ужасающим панно, на котором изображено что-то вроде охоты на уток. Коробки, отправленные на той неделе, уже здесь, висят башней за кожаным диваном.

– Вайфай тут нормальный? – спрашиваю я Фенна.

– Вроде бы. Я особо не торчу в комнате, не замечал.

Я окидываю взглядом пространство вокруг. В принципе, всегда можно протянуть кабель, когда найду, где здесь роутер. Первым делом я открываю коробку со своим компьютерным оборудованием. Пока мой новоиспеченный братец пялится на меня полным ужаса взглядом, я немедленно начинаю устанавливать мониторы и завожу системник, чтобы проверить, не пинали ли грузчики его всю дорогу от Коннектикута до Сендоваера.

– Это что еще такое? – Фенн нависает над моим плечом. – Только не говори мне, что ты один из этих кренделей с «твича».

– Не, я не геймер.

– А на фига тогда вся эта хрень?

– Хобби.

– Скучно. – Он пинает мой стул и отпихивает меня от стола.

Если бы я не пытался сейчас вести себя прилично, у нас

бы возникли большие проблемы. Парню лучше не привыкать к мысли, что он может так со мной обращаться. Но сейчас ему это прощается – на первый раз.

– Ты тут новенький, так что я тебе помогу, – говорит он. – А то заработаешь себе репутацию лузера в первый же день.

– Срать я хотел на репутацию. – Я сюда не за свои социальные навыки загремел.

– Ага, ну да, это потому, что ты не шаришь. – Он распахивает дверь и кивает на меня. – Здесь все иначе работает. Так что оторви свою задницу от стула, *Ремингтон*. Надо же представить моего нового братишку остальному этажу.

Я подавляю вздох. Хрен с ним. У меня впереди целый семестр, чтобы сидеть в комнате и сходить с ума от скуки. Можно и разведать обстановку.

Следующие двадцать минут Фенн знакомит меня со всеми на этаже. Я встречаю парней с именами вроде Ксавьер, Шепли и Трипп, которые все выглядят для меня одинаково – смазанное пятно дизайнерской одежды и дорогих часов. В конце концов мы снова оказываемся у комнаты плеябоя, где меня представляют Лоусону, который наконец надел штаны. Футболки на нем так и нет, но по крайней мере мне больше не видно его выпирающее хозяйство.

– Привет, – говорит он. – Добро пожаловать, почувствуй себя как дома.

– Эр Джей, это Лоусон. Колеса у него никакие не бери. Лоусон ухмыляется Фенну.

– Пошел ты.

Он высокий, примерно моего роста, и у него на ребрах вытатуированы несколько строчек текста. Слов не разобрать, но я догадываюсь, что там что-то грустное и совершенно не в тему. Широкоплечий и лохматый, Лоусон похож на Тима Риггинса из «Огней ночной пятницы». Я знаю о чертовом Тиме Риггинсе только потому, что Жюли заставляла меня смотреть этот сериал в промежутках между сексом, против чего я всегда протестовал. Ненавижу спорт.

– Привет, я Сайлас.

Я даже не заметил второго парня, сидящего на кровати. Он из тех людей, что сливаются с пейзажем, стоит им замереть. Короткие волосы, карие глаза, непримечательно красивые черты лица. Впрочем, стоит ему встать, как он оказывается выше, чем я думал. Они с Лоусоном оба спортивно сложены. Может, греблей занимаются. Чем-нибудь богатым. Не могу представить, чтобы кто-то из них рисковал разукрасить личико в ближнем бою.

– Итак. Эр Джей. – Лоусон предлагает мне напиток с ликерной тележки, встроенной под подушками дивана. – Какая у тебя история?

И почему все у меня это спрашивают?

– Нет у меня никакой истории.

Лоусон бросает взгляд на Сайласа.

– Какой скромный. – Он падает в одно из кресел и закидывает ноги на кофейный столик. – Никто из нас не попал

сюда случайно. Все во что-то вляпались.

Я пожимаю плечами.

– Эй, будешь отнекиваться, у меня только сильнее разыграется аппетит. – Лоусон берет из пепельницы наполовину выкуренную сигару и поджигает ее опять.

– Прекращай флиртовать, – говорит ему Фенн.

– Просто завожу нового друга, Феннели. Господи Иисусе, успокойся. – Лоусон снова с изумлением окидывает меня взглядом. – Чем бы ты там ни занимался, – предупреждает он, – не трепись особо. Нельзя раскрывать все карты Дюку.

Это вызывает у меня смех.

– У вас тут и надзиратель есть?

– Скорее, домоправитель, – с сожалением отзывается Сайлас. – Мистер Свинни.

– Не парься, Роджер душка, – добавляет Лоусон.

– Такой же страшный, как золотистый пудель с катарактой, – отрешенно добавляет Фенн, снова уткнувшись в телефон. Он весь день переписывается с кем-то по имени Кейси, но когда я спросил, не его ли это девушка, он шарахнулся от меня в ужасе. Может, «девушка» здесь считается ругательным словом?

– Дюк такой же старшеклассник, как и мы. Возомнил себя ротвейлером. – Лоусон делает паузу. – Хотя, пожалуй, ротвейлер и есть. Он совершенно точно не только тявкает, но и кусается. Ну да не будем торопить события, рано или поздно сам с ним познакомишься.

Так, значит, Дюк это местный вышибала. Посмотрим, чего я смогу на него накопать и на что он на самом деле способен. В любом случае каким-то мягкотелым богатым мальчишкой меня не запугать.

– Ну что же, Ремингтон. – Лоусон усмехается мне, и я прожигаю Фенна взглядом за то, что он слил мое настоящее имя. – Добро пожаловать в школу нагибателей. Поверни голову набок и покашляй, будет почти не больно.

Очаровательно.

Вскоре мы все вместе направляемся в зал, куда стекаются парни со всего этажа на обязательную встречу по технике безопасности. Коридоры уже провоняли травкой, и, кажется, я мимоходом замечаю в одной из комнат самогонный аппарат – скорее хобби, чем необходимость. Охраны тут, судя по всему, вообще нет – по крайней мере, никто не шмонает контрабанду.

– Джентльмены, успокойтесь, пожалуйста.

Посреди комнаты стоит мужчина в коричневом свитере и очках. Он растрепан и неопрятен, как будто одевался в машине на ходу. Он несколько раз прочищает горло, но три десятка парней, развалившихся на диванах и уткнувшихся в телефоны, не обращают на него внимания.

– Ну взгляните сюда на минуту, – умоляюще просит он. – Всего на одну. – В комнате, кажется, становится еще шумнее. – Ну пожалуйста, чем раньше начнем, тем раньше закончим.

Так продолжается несколько минут. Я сволочь, так что едва сдерживаю смех, глядя на его мучения. В какой-то момент бедняга даже уходит и возвращается, чтобы попробовать снова. В конце концов Сайлас, то ли сжалившись, то ли заскучав, умудряется заставить всех заткнуться, чтобы заведующий общежитием смог сказать свое слово.

– Серьезно? – шепчу я Фенну, пока Роджер Свинни оглашает список правил. – Отбой в одиннадцать по выходным?

– Да не, это что-то вроде рекомендации. Просто не попадайся.

– А директор что? У меня с ним встреча сегодня.

Судя по мистеру Свинни, местная администрация не имеет никакой власти над заключенными. Скорее, у них перемирие.

– Он не тряпка, но и не жестит. Из тех, кто мечтает быть психологом для всех и сразу. – Фенн закатывает глаза, но тут же становится серьезнее. – Единственное настоящее правило: держись подальше от его дочерей. Он тебя на кол посадит, если ты на них дыхнешь без его разрешения.

Когда становится беспокойно, Роджер сдается и отпускает всех по комнатам.

– Поужинаем где-нибудь сегодня? – предлагает Лоусон по дороге назад.

– Сообщим местным о своем возвращении, как полагается?

И почему мне кажется, что для него это значит как мини-

мум отыметь дочку кузнеца на церковных ступенях?

– Я пас, – говорю я. – Может, в следующий раз.

– Ремингтон у нас интроверт, – сообщает Фенн своим друзьям.

Нет, Ремингтону просто нужно поискать информацию, и он хочет немного личного пространства.

Но эту мысль я держу при себе. Ни к чему этим ребятам знать, что я собираюсь закопаться в их самые темные и запретные секреты. О чем они не знают, то им не повредит, и так далее, и тому подобное.

Ну, если только я не решу навредить им тем, что найду.

В любом случае пора узнать побольше о соседях по камере.

Глава 6. Эр Джей

Никогда еще не приходилось пить чай с мужиком в вязаном свитере. Директор приглашает меня к себе в кабинет, и мы садимся в черные кожаные кресла, после чего он закидывает ногу на ногу и берет в руки чашку и блюдечко, как какой-нибудь гребаный мистер Роджерс. Время близится к ночи, но снаружи все еще стоит жара – что не мешает ему выглядеть так, словно он не прочь устроиться у камина с газеткой.

– Рад приветствовать вас в Сендовере, мистер Шоу. Как я понял, вы не приемлете имя Ремингтон.

– Просто Эр Джей. – Если он начнет звать меня «друг мой», я уезжаю домой.

– Как пожелаете. – Он скучающе отпивает чай, разглядывая меня поверх края изящной кружечки. – И каковы ваши цели в этом семестре, Эр Джей?

– Цели?

– Как вы планируете провести свое время здесь? Чего надеетесь достичь?

Более чем уверен, что это все какой-то тест, хоть я пока и не разгадал его суть.

– Выпуститься было бы неплохо. В этом же весь смысл, нет?

– Это как минимум, да. Но я смею надеяться, что вы най-

дете и другие способы извлечь пользу из вашего пребывания здесь. Воспользуйтесь этой возможностью на полную. Вы уже решили, куда будете поступать в колледж?

– Да не особо.

Колледж вообще практически не входит в мои планы. Честно говоря, мне это дело кажется пустой тратой времени и денег. Учитывая мои интересы, не верю, что колледж может мне предложить что-то, в чем я не разберусь сам.

– Я бы очень советовал ознакомиться с длинным списком внеклассных занятий, которые вам доступны. Благодаря им наши студенты меньше попадают в неприятности, – говорит он с вежливым намеком, отчего почему-то звучит лишь грубее.

– Из меня не большой ходок по занятиям. Кружки – это не мое.

– Да, это я уже понял.

Ха. Если я должен испугаться того, что он читал мой файл, то он меня недооценивает. Черта с два я бы стал знакомиться с новым человеком неподготовленным – я все раскопал еще неделю назад. Да-да, я много читал о директоре Тресскоте. Двое детей. Жена мертва. Страдает от неизлечимого синдрома спасателя. Заполняет дыру в своей душе бесконечными попытками воспитать богатую развязную молодежь, которую скидывают сюда, как зимнюю одежду на чердак. Он меня не пугает, а его скучные речи уж точно не вдохновляют.

– В нашем учреждении предъявляются высокие стандарты к процессу обучения. Своих выпускников Сендовер отправляет в элитные университеты, убедившись, что они готовы к трудностям высшего образования. Это не то место, где можно плевать в потолок.

Ну, не знаю. Что-то мне кажется, что репутация этих «элитных учреждений» вся целиком основана на пустышке из наследий и денег. Всего лишь кучка богатых людей, которые собираются вместе и поддерживают миф ради собственного имиджа. Я мог бы надеть свитер Гарварда, и никто бы не заметил разницы.

И все же я улыбаюсь и киваю, потому что незачем в первый же день наживать себе врага, мне не нужны дополнительные проблемы.

– И я хотел бы заметить... – говорит он, отставляя в сторону чашку. – Взлом или другие подобные сомнительные активности, нарушающие чужое пространство, здесь запрещены. Наши студенты должны соответствовать нашим стандартам чести, уважения и открытости, без исключения. Сендовер – это второй шанс. Для многих он становится последним. – Он окидывает меня взглядом темно-серых глаз. – Как вы этим шансом распорядитесь – дело ваше. Но пока вы здесь – вам придется следовать нашим правилам.

Ага, как же. Он может сколько угодно заливаться про стандарты и про то, что тут разрешено или запрещено, но я более чем уверен, все это хрень собачья. Видел я разные

записи, пока искал информацию. Насколько я могу судить, вылететь из Сендоваера просто нереально. Так что Тресскотт может что угодно говорить про правила и ответственность, но я-то знаю. Что бы ни натворили местные мальчишки, деньги решают все. Правда стара как мир – богатым закон не писан.

– Давайте кое-что проясним, ладно? – Больше всего я в богатых и их окружении ненавижу все это вежливое притворство. – Я не хотел здесь оказаться, но выбора у меня не было. Я не собираюсь доставлять вам проблемы. Если что-то вдруг изменится...

Тресскотт смотрит на меня настороженно.

– Ну, все мы лишь прямоходящие животные в модных одеждах, правда ведь? Природу никто не отменял.

– Да, – говорит он, снова беря в руки чашку и блюдечко, – можно и так сказать.

– Я могу идти?

– Последнее. Вы спортом занимаетесь, мистер Шоу? В ваших документах ничего об этом не сказано.

– Не мое это, нет. – С самой средней школы разнообразные тренеры охотились за мной по самым различным поводам. Все говорили, что я идеально сложен именно для их спорта. Но я не люблю командные развлечения. Навязанное товарищество – мой самый худший кошмар, да и страшилок про раздевалки я наслушался достаточно. Если меня будут пытаться, так пусть хотя бы под солнцем.

– Тогда вам нужно будет записаться на курс физкультуры, – говорит он. – В течение семестра он проходит через разные спортивные дисциплины.

Класс. Это проблема. Надо будет посмотреть, не получится ли записаться на что-нибудь одиночное. Типа бега. Я неплохо бегаю. Всегда дома этим развлекался. Сначала это было поводом выйти из дома, когда мама притаскивала своих парней и закрывалась с ними в спальне, но со временем превратилось в привычку. Сначала пара километров, потом дальние дистанции. В голове как-то яснее становится.

Когда Тресскотт меня отпускает, я какое-то время брожу вокруг, изучая размеченные дорожки на краю территории, виляющие сквозь прилегающий лес. Уже темнеет, и мне не особо хочется потом искать дорогу обратно в общагу в полной темноте, так что я поворачиваю было назад, но тут замечаю узенькую тропинку, исчезающую где-то далеко за деревьями. Она никак не отмечена и выглядит менее вытоптанной, чем другие, и это уже интересно. Я решаю, что у меня хватит времени на небольшой перекур. Метров через сто меня встречает старая клумба, поросшая сорняками, и деревянная скамейка посреди небольшой лужайки.

Самое то, чтобы покурить, так что я тут же сворачиваю косяк. Усевшись на скамейку и вытянув ноги, я глубоко задымляюсь и пытаюсь на секунду отключиться от всего.

Я привык к такому отношению. Сменив пять школ за три года, ты либо закаляешься, либо тонешь. Ощущение такое,

словно я всю жизнь бреду по колено в воде, но если меня это чему и научило, так это полагаться на самого себя. Никто другой мне больше не нужен, так как в конечном итоге всегда только я сам своя единственная опора. И что бы там ни случилось, у меня всегда припрятан туз в рукаве.

Внезапный шелест выдергивает меня из мыслей и привлекает внимание. Я слышу, как хрустят мертвые листья и сухая трава под быстрыми шагами, а потом из-за поворота появляется она. Длинноногая деваха с темными волосами, замотанными в потный пучок. Она почти пробегает мимо, но замечает меня и резко тормозит на месте.

– Привет, – говорю я добродушно.

– Тебя здесь быть не должно, – выдыхает она, положив руки на бедра и тяжело дыша.

– Ага. Вот и я им так сказал.

Ее коротко обрезанная футболка сползла с одного плеча. Мои глаза непроизвольно притягиваются к ее заднице в коротких спортивных шортах, облепивших потную кожу. Эта девушка такая горячая, что на нее смотреть больно. И дело даже не в модельном теле. Кожа у нее, даже когда мокрая, все равно идеальная, сияющая, такая только в рекламе косметики бывает. Темно-серые глаза обрамлены густыми, пышными ресницами, а сексуальный изгиб губ вообще вызывает в сознании самые разнообразные неприличные мысли.

Даже не знаю, какая картина заманчивее – эти губы, прижатые к моим, или они же, но обхватывающие мой член, по-

ка я кончаю ей на язык.

И-и-и, упс, мне пора срочно избавляться от этих мыслей, пока она не заметила, что джинсы внезапно стали мне тесноваты.

– Ты не понял, – выпрямляется она с оскалом, – эта дорожка за пределами школы. Ты на чужой территории.

Не могу удержаться и окидываю ее взглядом еще раз.

– Уверена, что это не ты тут чужая? Это разве не школа для мальчиков?

– Мой отец тут работает. Ты кто такой вообще? – Эта девчонка может костры взглядом зажигать. Или даже спалить целый город.

– Где же твое дружелюбие? – не удерживаюсь я от подколки.

– Не имею такой привычки. На вопрос ответь.

Ох, черт, обожаю злых девчонок. Не знаю уж, что такое с этой обиженной цыпочкой, смотрящей на меня так, словно готова выбить мне все зубы с ноги, но это заставляет мой член оживиться.

– Меня зовут Эр Джей, – покорно отвечаю я, – я тут новенький.

– Да что ты говоришь. – Она нетерпеливо наклоняет голову набок. – И с какой старой проселочной дороги они тебя соскребли?

Черт, детка, продолжай в том же духе.

Когда я ловлю ее взгляд на своем косяке, протягиваю ей

скрутку.

– Затянешься?

Она играет желваками, оценивающе обводя меня взглядом. А потом выхватывает сигарету у меня из руки, делает две глубокие затяжки и выдувает дым мне в лицо, как будто я уже не был возбужден и без того.

– Имя-то свое скажешь? – спрашиваю я, давя усмешку.

– Нет. – Она возвращает мне косяк.

В голове внезапно раздается голос Лоусона:

«Эй, будешь отнекиваться, у меня только сильнее разыгрывается аппетит».

– Вот незадача. А что же мне писать, когда я буду вырезать наши имена на дереве?

– Вау. – У нее вырывается краткий смешок. – Ты в курсе, что вслух это сказал? Позорище.

– Да ладно. Меня сложно задеть, – говорю я.

– Я бы постаралась, если бы мне не было так насрать.

Все в ней говорит мне отвалить, но она до сих пор не ушла. И уж не знаю, что это говорит обо мне, но мне почему-то нравится подобное обращение. Я бы дал этой девчонке потоптаться у себя на лице в ботинках. Вся эта враждебность лишь навеивает мысли о громком сексе и дергании за волосы.

– Можем пообедать вместе, как раз и попробуешь, – предлагаю я.

– Уж извини, я не хожу на свидания со стремными чуваками из леса.

– А их тут много водится? Хочешь, провожу тебя до дома, чтобы было не страшно.

Она фыркает и закатывает глаза.

– Я могу за себя постоять.

– Тогда ты меня проводи.

В уголках ее губ мелькает едва заметная улыбка и тут же испаряется. О да, я определенно ей нравлюсь.

– Берегись енотов, – говорит она, уходя. – Какой-то придурак целый семестр накачивал их психоделиками, теперь они превратились в сумасшедших жертв научных экспериментов с отставленными большими пальцами и полным безразличием к ценности человеческой жизни.

Шутки шутит. Наверное.

– Завтра в том же месте? – окликаю я ее. – Я поесть принесу.

Она даже не оборачивается.

– Счастливо оставаться, новенький. Удачи тебе в Городе Мальчишек.

Она исчезает из виду за секунду, и я тут же понимаю, что остался в полной темноте. Как будто она стащила солнце с неба, чисто чтобы мне насолить.

Как же горячо.

Эта девчонка – кончик отравленного дротика, и меня это так заводит, что я не могу перестать улыбаться. Все-таки есть в этом месте что-то хорошее.

Если я, конечно, найду дорогу обратно к цивилизации.

Глава 7. Слоан

Даже не знаю, что и думать про того парня с тропинки. И почему он смотрел на меня так, словно мы целую вечность знакомы? Вернувшись домой, я иду в душ и быстро смываю пот от пробежки. Когда я уже сижу за столом и расчесываю волосы, в мою комнату заглядывает Кейси и тут же по-хозяйски плюхается на мою кровать, блестя глазами от любопытства.

– Что? – Я ловлю ее взгляд в отражении зеркала и тут же прищуриваюсь с подозрением.

– Хорошо побегала?

– Нормально. Чего ты так улыбаешься?

– Долго тебя не было. – Ее лицо сейчас треснет от заговорщической улыбки. – Может даже показаться, что ты вообще не бегала, а вместо этого встречалась с кем-то, ну, например, чье имя начинается на «Д» и заканчивается на «юк»...

– Когда кажется, креститься надо, – фыркаю я. – Сказано же тебе, между нами все кончено.

– Тогда где тебя носило?

– На тропе был какой-то непонятный парень. Я подумала, кого-то городского занесло на территорию, так что остановилась докопаться.

– Ага! – тут же подскакивает она. – Так ты все-таки с мальчиком разговаривала!

– Ну, я бы не назвала это разговором.

Испортил мне всю пробежку, между прочим. Как дробью из ружья по всей моей непринужденности. Тропинка – это мое убежище, туда я ухожу заглушать мысли музыкой и прятаться от всего происходящего в голове. Моя личная недосягаемая реальность. Запасной выход из трудностей жизни. Безупречный заповедник спокойствия. А теперь тут какой-то нарушитель, незванный турист, посягает на мой одинокий лес? Да еще имеет наглость со мной флиртовать. Меня это должно было очаровать? Катись ты ко всем чертям, чужак.

– Так что, он был из города?

– Нет, он, оказывается, новенький.

Хотя какой там у него сбой в системе, еще надо будет выяснить. Большинство из них – это стандартные модели богатых хулиганов, приезжают с запущенным алкоголизмом и зависимостями от наркотиков. Нравится это моему отцу или нет, но Сендовер – это тихая и живописная реабилитационная программа, помогающая азартным игрокам, наркодилерам, драчунам и пьяным водителям не попадать в сводки газет.

– Но ты там долго торчала. – Воображение Кейси все повседневные моменты моей жизни превращает в какие-то скандалы. – Узнала о нем что-нибудь?

– Его зовут Эр Джей. Это все, я не осталась послушать его биографию.

Большинство моих знакомых сказали бы, что у меня та-

лант отталкивать от себя людей. Я даже немного горжусь своей способностью заставлять парней убегать от меня, сверкая пятками. Уж не знаю, был ли этот тупым или ему просто жить надоело, но он отказывался уходить.

– Инициалы. Как загадочно, – заявляет Кейси.

– Как скажешь.

– Он хоть горяч?

– Ну, посимпатичнее косматого лесного тролля.

На первый взгляд он ничего так. Ладно. *Очень* даже ничего так. Что-то в его причёске наводило на мысли о разделении. Так обычно выглядят волосы, когда парень снимает футболку. Ещё и темные. Мне нравятся темноволосые. И, хоть он и сидел, сразу было понятно, что он высок и хорошо сложен. Это мне тоже нравится.

Но это не значит, что я пускаю слюни на каждого красивого высокого bruneta, который мне попадается. Особенно когда у них такой нехороший взгляд. Такими глазами тебе подмигивают, вынося деньги из ограбленного банка. Шуры-муры с еще одним плохишом в мои планы на год не входили.

– По твоим меркам это опупеть какой комплимент, – подлавливает меня Кейси. – Признайся, он был горяч.

– Я сказала, что он не ужасен.

– Давай, у тебя получится. Скажи мне, что он горяч. – Моей сестре явно нравится, когда я корчусь в муках.

– Боже мой. Он горяч. Все. Довольна?

Она ухмыляется.

– Полностью.

– Какая же ты засранка.

– Рыбак рыбака, – нараспев говорит она, и я тут же показываю ей средний палец.

– Честно говоря, интереснее всего тут то, что я о нем еще не слышала, – признаюсь я больше себе, чем ей, ложась на пол с массажным роликом, чтобы размять ноги после пробежки. – Кто этот парень? Откуда взялся? Кто его семья, вот это вот все. Как с неба свалился. Что-то в нем такое было... Несносное, но не как в большинстве этих придурков с раздутыми избалованными эго. Какая-то другая, его собственная раздражающая смесь.

Кейси подползает к краю кровати, чтобы посмотреть на меня.

– Как-то многовато вопросов для той, кто в этом году поклялась не связываться с парнями.

– Это же не значит, что я собираюсь его на свидание звать. Он – неизвестность. А ты меня знаешь, я ненавижу нерешенные вопросы.

Местные парни любят подкрадываться, обаятельно сверкая лживыми белозубыми улыбками. В них ровно столько манер и воспитанности, сколько нужно, чтобы провести тебя, но на самом деле все они волки в дизайнерских джинсах.

А я вовсе не добыча.

– Ну не знаю... – Она прикусывает губу. Не люблю, когда сестра начинает слишком много думать. – Звучит так, будто

он тебя зацепил.

– Выдумываешь.

– Как скажешь.

С комода доносится вибрация моего телефона.

– Посмотришь?

Она прыгивает с кровати и проверяет экран.

– Смс от Сайласа.

Я сажусь и просматриваю сообщения: он просто дает мне знать, что приехал. Я говорю ему зайти. Все лето не виделись, я скучала.

Среди того богатого мусора, который сливают в Сендовер, Сайлас Хейзелтон – редкое исключение из правил: по-настоящему хороший парень, который не пытается сойти в могилу или вырасти в полного социопата. Как он сохраняет свою доброту в этой выгребной яме соблазнов – загадка, но во всем Сендовере он единственный честный мальчишка. И именно поэтому только его папа пускает в наш дом.

Сайлас: *Уже иду.*

Десять минут спустя я открываю дверь, и Сайлас встречает меня словами:

– Привет, незнакомка. – Он одет в светлые брюки, белую футболку, плотно облегающую его каменный пресс, на губах хитрая улыбка.

Мы так крепко дружим, что иногда я забываю – он, во-

обще-то, красавчик. При таких ямочках на щеках и фигуре пловца даже я должна признать, что парень конфетка.

– Кто-то в хорошем настроении, – тяну я, когда он дергает меня к себе.

– Скучал просто. – Он крепко меня обнимает и целует в висок. В рейтинге самых лучших объятий во вселенной его место точно где-то в первой тройке.

– Сайлас, рад снова видеть, – вклинивается папа, стоя в коридоре с чашкой чая. Очень незаметный способ проверить, не проявилось ли у меня внезапное и неконтролируемое сексуальное влечение к одному из моих лучших друзей. – Нормально устроился?

– Да, сэр. Уж точно не буду скучать по запаху из предыдущей общаги. Здание выпускников пахнет розами по сравнению с прошлогодними комнатами. – Сайлас работает на родителей, как валерьянка на кошек; больно уж он хорош в непринужденных разговорах.

Папа хмыкает.

– Мы перекрасили стены за лето.

– Успели порыбачить на каникулах, сэр?

– Не так много, как хотелось бы.

Они немного болтают о рыбалке. Папа рад поговорить с другим мужчиной и обсудить все те скучные темы, на которые его дочкам плевать. Да и несмотря на тот случай с пьяным вождением, из-за которого Сайлас сюда попал, здесь он ни разу не попал в неприятности, так что, вероятно, по-

этому папа к нему так лоялен. Думает, Сайлас окажет на меня хорошее влияние.

Дюка папа терпел. Мы неделями ругались, когда я только начала с ним встречаться, но, в конце концов, я донесла до отца, что пусть уж лучше он будет в курсе, с кем я провожу время, и происходить это будет там, где он сможет за нами приглядывать, чем я стану без спроса сбегать из дома с незнакомцами. Не думаю, что папе понравился такой ультиматум, но в итоге он смирился. Дюка он все еще люто ненавидит, правда.

– Форель была, кстати, размером чуть поменьше...

– Ага, пап, спасибо, – перебиваю я, – не хочет он слушать про твою форель.

Сайлас слишком вежлив, чтобы спастись самому, так что я хватаю его за локоть и тащу к лестнице. Папа какое-то время бродит внизу, а потом уползает к себе в берлогу. Где-то через десять минут он якобы случайно пройдет мимо дверей моей комнаты и притворится, что не подслушивает, а я притворюсь, что не заметила. Это уже традиция.

– Итак... – Мы падаем на кровать, и я включаю телевизор, чтобы создать легкий шумовой фон. – Вот ты и вернулся.

– К сожалению.

– И как прошла поездка на *Винъярд*?

Он закатывает глаза от того, как я выделяю последнее слово. Ну не могу я не подколоть его, когда он как какой-то напыщенный британский задрот бегал по острову в рубашках

поло и мокалинах, словно член мафии на гольф-карах. Сайлас невероятно близок со своей идеальной семьей, будто сошедшей с экрана телевизора, и они проводят лето, катаясь на лодках и устраивая вечеринки, где варят лобстеров. Это очень мило и отвратительно одновременно.

– Нормально прошло.

Я вглядываюсь в его лицо, которое словно бы краснее обычного.

– Ты что, умудрился загореть?

– Мои сестры оставили меня спящим на пристани, – бурчит он, – и я проснулся похожим на вареного рака. На прошлой неделе был мой личный сезон линьки.

– Бедняжка. – Я и правда ему сочувствую. Сайлас может сгореть просто потому, что сел слишком близко к окну. – С Ами виделся уже?

Он колеблется, и эту реакцию я последнее время наблюдаю все чаще. Они с Ами вместе с самого первого года в академии Балларда, где мы все и познакомились. Сам он никогда в этом не признается, но я уже начинаю сомневаться, остается он с ней из какого-то реального интереса или все же из-за привычки.

– Она позже возвращается. Встретимся в выходные, я думаю.

– И как у вас дела?

– Да норм.

Я молчу и даю ему время убедить в этом самого себя. Ко-

гда у него не получается, он пожимает плечами.

– Она хотела тоже поехать на Мартас-Виньярд, но родители ее непустили. Они все собирались на ранчо ее бабушки с дедушкой, какая-то большая семейная тусовка. Ей это все не очень понравилось, – признает он.

– Ты осторожнее, а то еще проснешься уже женатым на ней.

– Вот почему ты всегда это делаешь? – раздраженно вздыхает он, садясь.

– Что?

– Ты знаешь что. Придираешься ко всему.

– Это как? – Я стараюсь не рассмеяться, когда он пытается сделать страшное лицо, но у него ничего не выходит. – Я просто говорю, не успеешь опустить весло в воду – тебя унесет течением.

– Ага, да, а как у тебя дела с... ах, да, погоди, у тебя нет парня. Потому что на этой неделе ты отдыхаешь от самолюбленных мудаков с раздутым самомнением, да?

– Тушэ, сволочь.

Он давит улыбку.

– Как Колорадо?

– Уф. Это был кошмар. Мы приехали, и выяснилось, что одну из моих теть только что бросил парень, так что я все шесть недель провела на американских горках ее самобичевания. Я поглотила двенадцать литров мятного мороженого и восемь раз ходила на педикюр, Сайлас. Ты представляешь

это вообще? Мои пальцы трогало больше людей, чем пистолет на заправке.

Он громко фыркает.

– Мне кажется, если совместить эти две вещи, можно неплохо заработать.

Я бью его по голове подушкой, и он отмахивается.

– Ну что? – Он смеется. – Вдруг тебе будут нужны деньги на новые беговые кроссовки.

– К слову, о беге. Я сегодня на тропинке наткнулась на одного из твоих бродяжек.

– Моих бродяжек?

– Похож на старшеклассника. Эр Джей его зовут.

Он понимающе кивает.

– Да, познакомились на заезде. Это новый братишка Фенна.

У меня отвисает челюсть.

– Ох, черт, я и забыла про сверхбыструю свадьбу. Ты мне не говорил, что он сюда приедет. Что натворил?

Это первый вопрос, который интересует всех. Каким именно безбожным образом новенький нарушил общественный покой, чтобы его сослали в эту позолоченную клетку? Парни так оценивают статус друг друга и устанавливают иерархию. Мне лично просто любопытно и хочется знать, от кого держаться подальше.

– Фенну он сказал, что катался на машине учителя или типа того, – говорит Сайлас. – Но после личного знакомства

Лоусон ему не верит.

– Машина? Как-то слабовато. – Тоже мне преступление.

– Или вранье полное, – пожимает плечами Сайлас. – Чтобы скрыть что-нибудь похуже. Он какой-то скрытный. И не особо общительный.

– Да, я поговорила с ним немного. Слишком самодовольный для человека, который понятия не имеет, куда попал.

– Он не первый, кто попадает сюда на стадии отрицания.

Что верно, то верно. Все по-разному справляются с заточением. Кто-то цепляется за старую жизнь, а кто-то учится наслаждаться этим отстоем. Эр Джей показался мне вполне способным на второе, но как-то больно уж спокоен. Пообщается пару недель с Дюком и его бандой, может, по-другому запоет. Сендовер может сожрать парня заживо, если он не приспособится достаточно быстро.

– Чего еще о нем слышал? Фенн тебе доложил?

Сайлас морщится от вопроса, странно тот его как-то задел.

– Тебе-то что?

– Да ничего, так-то. – Я хмурюсь. – А что такого?

– Просто странно. Не помню, чтобы ты у нас лично новичков оценивала. – Он снова пожимает плечами, на этот раз апатично. – Говорю же, чел скрытный. Уходит от вопросов. Не нравится он мне.

Я хмурюсь еще сильнее. От Сайласа это особенно странно слышать, ведь, как правило, ему нравятся все. По крайней

мере, до тех пор, пока они не дадут ему весомый повод себя невзлюбить, и то это еще надо постараться. Он годами терпит Лоусона, а тот вообще ходячий криминальный подкаст.

Мы какое-то время смотрим друг на друга, словно резко перестали узнавать. Игра в гляделки из неловкой быстро перерастает в напряженную, так что я прерываю тишину.

– Прости, что пристала. – Теперь уже я пожимаю плечами. – Не то чтобы мне есть дело до нового брата Фенна. Просто интересно.

Сайлас расслабляется, и мы быстро возвращаемся обратно к обсуждению лета и его поездки на Виньярд. Но Эр Джей так и маячит на заднем плане, теперь еще более неизвестная переменная, вращающаяся в моем мозгу и пинающая его стенки. Бесит до ужаса – я поговорила с парнем всего минут десять, а он так засел в моей голове.

От него уже больше проблем, чем он того стоит.

Глава 8. Сайлас

Слоан говорит, я один из ее лучших друзей, но иногда мне кажется, что она сама не понимает веса этих слов. Она из тех людей, которые не подпускают других близко. Тебе кажется, будто ты знаешь их, добрался до сути. А потом понимаешь, что все это время разговаривал с отражением в коридоре из кривых зеркал, а до нее настоящей еще далеко.

Не то чтобы она была нужна мне близко. По крайней мере, не в *том* смысле. Это я так себя убеждаю, возвращаясь по тропинке к общаге. Что бы там ни думал Лоусон, я не сижу в засаде и не выжидаю, когда же наконец смогу залезть к ней в трусы. Ну да, разумеется, я думал об этом пару раз еще тогда, когда мы были в Балларде. Но у нас со Слоан ничего не было. Она встретила Дюка, я встретил Ами, и если какое-то влечение у меня и было, то оно полностью улетучилось.

Ну, то есть я все еще считаю ее горячей, но... это не имеет значения. Почему я вообще об этом думаю? Мы просто друзья.

Когда я захожу в свою комнату, телефон брякает входящим сообщением. Это Ами, волнуется, почему я ей до сих пор не написал. За лето у нас выработался своеобразный график, этаким ритуал из постоянных сообщений и звонков, чтобы расстояние не казалось таким большим. Это нормально. Я не против. Вот только в последнее время у меня кончи-

лись слова. Повторяю одни и те же заученные ответы, и самого перекашивает от банальности. Словно я робот какой-то, сканирующий ее сообщения на предмет ключевых слов и отвечающий по шаблону.

Ами: *Видела Сан сегодня. Она передавала тебе привет.*

Я: *Ей тоже.*

Ами: *Она все волосы обрезала и нос проколола. Причем вид такой, словно она все это сделала сама, кухонным ножом и спицей. Мне ее даже жалко, как же ей в понедельник прилетит...*

Я: *Фигово.*

Ами: *Да уж, у нее бунтарская фаза. Мерфи прислал ей дикпик, который предназначался кому-то другому. Весь в помаде перепачканный. Он попытался выкрутиться, но...*

Я тупо смотрю на последнее сообщение, пытаюсь понять, почему мы обсуждаем и разбираем по полочкам личную жизнь какой-то девчонки, с которой я едва знаком. Я эту Сан видел всего один раз. Какое мне дело?

На другом конце комнаты распахивается окно. Еще через секунду в него вваливается девушка в майке и короткой юбке. Хихикая, она поднимается на ноги и рассыпает по полу маленькие бутылочки с алкоголем, которые звенят по деревянному паркету, как по клавишам пианино.

Она поспешно собирает бутылочки, словно ее спалили за

воровством, а потом откидывает назад темные волосы и ловит мой взгляд. Не знаю, чего я ожидал, но она мне улыбается.

– Приветик.

Потом в окно влезает Лоусон.

– Вот видишь? Ничего сложного.

– Симпатичный у тебя друг, – говорит она, все еще глядя на меня.

– Вот и я ему говорю, – тянет Лоусон, – но он скучный.

– Можем устроить вечеринку. – Девушка Из Окна машет в мою сторону горстью мини-бутылок с водкой. – Если Друг хочет присоединиться.

– Друг не хочет, – говорю я, прожигая Лоусона взглядом.

– Ты же сказал, что ушел.

– Ненадолго.

Лоусон бесстыже пожимает плечами – он никогда не извиняется.

Не успеваю я и глазом моргнуть, как они опрокидывают в себя пару бутылочек и начинают целоваться на кровати Лоусона на другой стороне комнаты. До моих ушей доносится скрип кровати и вздохи.

Ами: *Солнце, ты еще тут?*

Я: *Да, прости. Лоусон пришел.*

Девушка Из Окна наверняка самая симпатичная в своей

школе. Готов спорить, она популярна и влюблена в жизнь. Она найдет друзей в хорошем государственном колледже, выпустится с отличием и найдет неплохую работу, что постепенно приведет ее к комфортной и не очень-то запоминающейся жизни в пригороде с совершенно обычным мужем. И однажды, встречаясь в баре с подружками, она увидит, как красивый молодой человек сдержанно улыбается ей поверх рюмки с текилой. И вспомнит, как однажды залезала в окно к богатенькому мальчику.

Лоусон к утру уже и лица-то ее не вспомнит.

Девушка Из Окна смотрит на меня поверх его плеча, когда они наконец разлепляются, чтобы набрать в легкие воздуха. Ее наполовину задранная футболка обнажает край лифчика. Она протягивает ко мне руку.

Ами: *Ты мог бы попросить себе другого соседа.*

Я: *Знаю.*

– Иди сюда, – говорит она, глядя на меня из-под полуприкрытых век. – Не обязательно просто смотреть...

– Нет уж, спасибо, – бормочу я.

А потом беру ботинки и ухожу.

Лоусон – личность, которая до странного всех объединяет, в мнении, что он ходячий красный флаг. Большую часть времени он либо ведет себя как полный мудака, либо пытается втащить меня в какую-нибудь передрагу, о которой я ну

вот вообще не просил.

И ведь я знаю, откуда ноги растут. Я знаком с Лоусоном с третьего класса, и, честно говоря, немногие бы вообще смогли нормально функционировать после всего, что ему пришлось пережить с его семьей. Родители развелись, когда он был еще маленьким, а потом мать свалила и бросила его жить с самим Сатаной. И я не преувеличиваю: его папаша – самый жестокий и злобный человек, какого я только видел в этой жизни. Пару лет назад даже выходила статья о том, что в компании Романа Кента кончали жизнь самоубийством больше сотрудников, чем на китайской фабрике по производству электроники. Мужик мстительный до уровня мультяшных суперзлодеев. И всю свою разрушительную энергию он сконцентрировал на сыне.

Так что да, в каком-то смысле я Лоусону сочувствую. Кто знает, каким бы я вырос, если бы моя семья была непрекращающимся хаотичным злобным цирком. А самая засада в том, что сколько бы проблем у меня ни было из-за него за эти годы, парень, сука, безумно верный. Он всегда заступается за своих друзей и никогда их не бросает. Тебя бьют, а ему влетает где-то в двух шагах слева.

Какой бы он ни был занозой в заднице, мне кажется, хоть кто-то должен быть верен ему в ответ. Почему бы и не я.

Но это не значит, что половину времени мне не хочется его придушить.

Пока я плетусь по дорожке от общежития до бассейна,

мне приходит еще одно сообщение. Уже темно так, что хоть глаз выколи, только приглушенные оранжевые уличные фонари да светлячки в траве. Как же мне хочется быть в своей комнате и смотреть бесполезные видео на YouTube или играть в игру. Но вот чего мне не хочется, так это наблюдать очередной приступ саморазрушения Лоусона.

***Ами:** Скучаю по тебе. Словно целое лето не разговаривали.*

***Я:** Я тоже скучаю. Скоро увидимся.*

Когда я проходил мимо тропинки, ведущей к дому Слосан на краю территории, у меня вдруг вырвался громкий смешок. Как предсказуемо. Ну конечно, она уже нашла себе новую добычу, хотя семестр еще даже не начался. Уже вынюхивает все про Эр Джея так, словно не бросила только что Дюка, якобы решив перестать встречаться с мудаками, которые с ней плохо обращаются. Они с Лоусоном чем-то похожи в этом плане: она тоже сама себе худший враг. Девчонка, как самонаводящаяся ракета, причем наводится она на старшеклассников-придурков с хреновым характером, которые либо разбивают ей сердце, либо чего похуже.

Она ведь умная, пожалуй, самая умная из всех людей, с кем я знаком, так что я хоть убей не понимаю, почему она каждый раз наступает на одни и те же грабли.

Пофиг. Не моя проблема. Если она хочет пилить ветку, на

которой сидит, то имеет на это полное право. Мы достаточно давно дружим, чтобы я даже не надеялся, что она станет кого-то слушать. Даже если этот кто-то попытался бы защитить ее от огромной ошибки.

Глава 9. Эр Джей

Это какая-то шутка. Я столько лет прожил, благополучно избегая всяких там командных бомберов или клубных футболок, только чтобы свернуть в тупик и попасть прямоком в блейзер и полосатый галстук. Когда Дэвид впервые упомянул Сендовер, я как-то и не подумал, что мне придется ежедневно носить школьную форму с мокасинами и гребаными рубашками. Если бы знал, свалил бы из города и даже записки не оставил.

– Да пошло оно. – Я срываю с шеи сине-зеленый галстук и швыряю его на пол. – Если бы я хотел выглядеть как бортпроводник, нарядился бы своей мамой на Хеллоуин.

– Чел, все же просто. – Фенн поднимает галстук с пола и пытается накинуть его мне на шею, пока я уворачиваюсь из чистого принципа. – Да иди сюда, что ты как маленький.

Прикусив язык, я стою смиренно, пока он небрежно завязывает удавку.

– Видишь? Просто. Когда будешь снимать, просто ослабь и сними через голову. Я каждое утро этим заниматься не буду.

– Спасибо, мам.

Он показывает мне средний палец.

– Отсоси.

Никогда еще не испытывал такого сокрушительного чув-

ства поражения, как глядя на свое отражение, одетое в идиотскую синюю униформу с безвкусным золотым крестом на кармане пиджака. Словно кто-то выдрал душу из моей груди и превратил меня в безжизненного зомби со стеклянными глазами.

– Не парься, сто раз еще научишься, как завязывать галстук, особенно если все выходные будешь прятаться в комнате.

– Я провожу время один, а не прячусь, – отвечаю я, пока мы влезаем в ботинки.

– Мы заселились три дня назад, и я ни разу не видел, чтобы ты выходил из комнаты куда-то кроме столовой, и даже там ты с нами не сидишь. Только и делаешь, что пялишься в компьютер. Братан, я понимаю, порнуха – это прикольно. Особенно та, которая с мамочками. Где такой молодой чел входит на кухню после тренировки по бейсболу, а там его хорошо сохранившаяся мачеха такая: «Ах, Джонатан, мне так одиноко. Твой отец меня совсем не удовлетворяет. Доставай член».

Я смотрю на него.

– Это ты по личному опыту? Твое супергеройское альтер эго – это парень по имени Джонатан, который трахает старух?

– Если бы. В любом случае, сколько времени можно драть, прежде чем твой член сгниет и отвалится?

– Дай знать, когда проверишь, – отбрываю я, выходя из

комнаты.

– Seriously, чувак. Если бы ты хоть иногда вылезал из коуры, то узнал бы, что тут поблизости вообще-то богатый выбор. Давал бы руке передышку иногда.

– Боже, даже представить боюсь, насколько скучный секс с ново-англичанками и заносчивыми богатенькими девчонками.

– Будешь себя так вести, тебе и того не светит.

Мы заходим в столовую, хватаем по кексу и кофе, а потом отправляемся на первый урок понедельника. Фенн так и выносит мне мозг всю дорогу, потому что я отказался тусить с ним в выходные. Он всё продвигает мысль, что мне нужны друзья, но я как-то не вижу в этом смысла. В любых других обстоятельствах я бы не хотел иметь ничего общего с этими людьми, а они со мной. Так зачем притворяться?

Пока мы идем, Фенну приходит сообщение, и он лыбится, глядя на экран, прежде чем развернуть его ко мне.

– Видал? Вот об этом я и говорю.

Я кидаю взгляд на сообщение. Там девушка в бордовой униформе, скрывая лицо за краем кадра, показывает камере краешек груди.

– Твоя подружка? – удивленно спрашиваю я.

– На одну ночь. Не люблю повторяться.

Он пожимает плечами, удаляет сообщение и запихивает телефон в задний карман штанов. Надеюсь, те сиськи когда-нибудь найдут своего принца на белом коне.

– Итак, если ты не какой-то там порнозависимый с извращенными вкусами, то что ты весь день делаешь за компом? – спрашивает он, все еще явно возмущенный, что я не хочу водиться с ним, его друзьями и его случайными сисястыми девчонками из города.

– Ищу информацию, – размыто отвечаю я.

Множество парней кивают Фенну и здороваются с ним, пока мы идем по двору. Он явно считается чем-то вроде знаменитости в этом крохотном богатеньком мирке. Что касается меня, меня никогда особо не интересовали крутые ребята и их почитатели. Что может быть смешнее, чем старшеклассник на пьедестале?

– Информацию для чего?

– Для личных проектов.

– У-у-у, – передразнивает он меня, – как загадочно. Ты что, органы на черном рынке толкаешь? Или управляешь нелегальной крипто-империей?

– Как тебе больше нравится.

– Ты серьезно собираешься таить секреты? От собственного брата? – картинно обижается он.

Я пожимаю плечами, давя ухмылку. Секреты – это моя суперсила. Пока он доставал меня призывами гулять и знакомиться, я уже узнал все, что мне было нужно, как про моего нового братца, так и про остальных обитателей Сендоваера.

Взломать дело Фенна в архивах школы было легче легкого, как и залезть в его личные сообщения. Сколько же он

болтает с этой Кейси. Ощущение было, словно я наблюдал двух разных людей. Вот тут он напропалую пошлит с какими-то случайными телками, а вот они с Кейси болтают о каких-то мюзиклах с «ТикТока» или подобной фигне. Если он так к ней аккуратно яйца катит, то больно много усилий ради такой маленькой награды. Почти что хочется предупредить бедняжку. Она кажется милой. Но я не собираюсь лезть в чужие дела.

В моем мире знания – это настоящая сила. И я чертовски хорошо их добываю. На данный момент, впрочем, я совершенно не собираюсь доверять Феннели Бишопу и показывать ему размах своих способностей. Людям обычно не очень-то нравится узнавать, что стены у их воображаемого личного пространства – бумажные.

После утренней алгебры с Фенном я оказываюсь в паре с Сайласом на лабе по физике. Сайлас, кажется, удивлен, что я прекрасно понимаю задание, а учитель так и вовсе в шоке. Так подумать, алгебраичку тоже смутили мои знания об обратной функции. Судя по всему, местные учителя ожидают, что я буду пещерным человеком, едва умеющим читать. Видимо, государственные школы в их понимании – это что-то вроде тех мест, куда собак водят, чтобы они не ссали на мебель. Ну, в чем-то они правы. Где-то три школы назад я был в продвинутых классах, пока меня не перестали туда брать из-за постоянных отчислений. Что бы они там ни думали о моем интеллекте, учеба никогда не казалась мне сложной,

только исключительно занудной. Терпеть не могу атмосферу классического школьного урока. Невозможно сидеть на месте.

После обеда, заходя в класс современной литературы, я замечаю Лоусона. Он сидит на заднем ряду и пинает в мою сторону стул, настойчиво предлагая сесть рядом с ним. Парень явно тот еще козел, но мне это даже нравится. Ему плевать, что о нем думают. Да он вообще, кажется, о других вспоминает только если по приколу. Это я могу уважать. По крайней мере, у него все на лбу написано.

– И как тебе первый день в Шангри-Ла? – спрашивает он меня с ленивой улыбкой. Его пиджак висит на спинке стула, а галстук ослаблен.

Тем не менее есть в нем что-то, что меня нервирует. Он смотрит на тебя так, словно решает твою судьбу. Придумывает, как вписать тебя в его собственный сюжет. Мы все лишь персонажи в его лабиринте дьявольских проказ.

– Минут двадцать торчал снаружи и ждал, когда подъедет гольф-кар, но так и не дождался.

– Да вот, шоферы ушли на забастовку и сделали из нас пешеходов. Профсоюзы – это чума современного общества.

Более чем уверен, что он наполовину серьезен.

А вот теперь без шуток: без понятия, как я должен протянуть целый месяц, нося костюм при такой погоде. Когда выходишь на улицу, ощущение такое, словно ты попал в задницу толстого мужика в сауне. В чем приколу пафосной школы

и всех этих бабок, если мы даже не можем позволить себе какие-нибудь скутеры?

– Фенн говорит, ты все выходные дрочил в комнате. – Лоусон одаряет меня великодушной улыбкой. – Если тебе надо помочь подцепить девчонку, ты только скажи.

Я закатываю глаза.

– Я и сам неплохо подцепляю, спасибо.

– Уверен? Я могу устроить пару знакомств. Есть тут одна девчонка, Рэй, она старшеклассница в Балларде. – Его взгляд подергивается дымкой. – Черт, душу бы дьяволу продал, чтобы еще раз ее трахнуть. Но она прямо как наш Фенн, понимаешь? Не повторяется. Говорит, это чтобы не привязываться.

Я неохотно улыбаюсь. Звучит как девушка моей мечты.

– На хрен привязанность, – соглашаюсь я.

– Подкинуть тебе номерок? Клянусь, тело у нее нереальное...

– Доброго дня, джентльмены.

Лоусон резко выпрямляется на стуле, переводя все внимание на источник звука.

– Это еще что?

– Меня зовут мистер Гудвин. – Учитель, подошедший к столу во главе класса, высок, аккуратен и выглядит так, словно провел свое лето за стойкой модного магазина одежды. Рукава белой рубашки закатаны и обнажают пару мускулистых рук с гладкой кожей без каких-либо старческих пятен.

Он совершенно выбивается из пейзажа, который в основном состоит из преподавателей пенсионного возраста.

– У нас теперь литературу студенты преподают? – подкалывает Лоусон. По классу разносится приглушенный смех.

– Я пушу по рядам копии плана уроков и заодно моего паспорта, – отвечает мистер Гудвин, не моргнув и глазом. – Возьмите каждый по одной и передавайте дальше.

Мистер Гудвин молод. Ему двадцать с чем-то, а выглядит и вовсе на шестнадцать. Он явно слышит об этом достаточно часто, чтобы относиться с юмором.

– Каким образом «Ад» Данте – это современная литература? – возмущается Лоусон, пробежав взглядом план.

– Помимо прочего, мы изучим влияние Данте на путь героя и современные романы, такие как «Куда приводят мечты» Ричарда Мэтисона, – отвечает мистер Гудвин, записывая номера страниц на доске.

– Ах да, – усмехается Лоусон, – видел. Там еще Дженнифер Коннели скачет на двойном дилдо с проституткой.

Все присутствующие давятся смехом. Мистер Гудвин замирает у доски, стоя к нам спиной.

– Вы путаете с «Реквиемом по мечте», фильмом Даррена Аронофски, основанном на романе Хьюберта Селби-младшего. – Он поворачивается к нам и садится на край стола. – Что интересно, вышел он тоже в 1978-м, как и «Куда приводят мечты» Мэтисона. И то, и другое произведение очень близко и детально изучает схождение человека в Ад, как ме-

тафорический, так и буквальный.

– Восхитительно. – Лоусон временно обыгран, но не побежден и отвечает со слегка угрожающей усмешкой, понимая, что у него не вышло задеть учителя. – Жду не дождусь.

Если бы такой диалог произошел в любой из моих старых школ, ученика бы уже дернул электрошокером и выволок из класса толстый коп, оставив позади дорожку мочи. Тут все как-то повеселее.

Весь остаток урока Лоусон продолжает прощупывать границы того, что мистер Гудвин стерпит, прежде чем выпадет в осадок или вышвырнет его за дверь. К моменту, когда урок, наконец, заканчивается, мне уже начинает казаться, что мы все просто невольные наблюдатели какой-то странной интимной прелюдии.

Позже, в конце дня, мы выходим из класса истории, и Фенн комкает в кулаке описание эссе и выкидывает за плечо.

– Бред какой-то. Кто задает писанину в первый же день?

Десять глав и две тысячи слов к пятнице. Как будто у нас других уроков нет.

– Садист, – отвечаю я, перекидывая лямку подаренной Сендовером сумки на другое плечо. – И чем им не угодили рюкзаки? Почему я должен таскать дамскую сумочку? Все они тут гребаные садисты. – Я трясую головой. – Увидимся в комнате.

– Чего? Хрена с два. – Фенн хватается меня за мою мужедамскую сумку, когда я пытаюсь свалить. – Пойдешь со

мною.

– Куда?

– У меня тренировка по футболу. А ты там потусишь.

– Типа, посижу на трибуне с девчонками и фанатами? Ага, шас.

Мы выходим с задней стороны здания, где я еще не успел ничего изучить. Огромные старые деревья отбрасывают тень на лужайку и кирпичные дорожки, ведущие к целому комплексу спортплощадок. Даже в тени гигантских дубов все равно жарче, чем под капотом тюнингованной машины, и мои носки уже насквозь промокли от пота. Я стаскиваю с себя пиджак и срываю галстук. Фенн качает головой, заранее зная, что я опять буду мучиться с ним с утра.

– Так. Ладно. Стой, – приказывает он. – Стой, говорю.

Нам надо поговорить.

Я давлю вздох.

– Точно надо?

– Да, – говорит он, скрещивая руки на груди.

– Какая же ты королева драмы. Ну, валяй.

– Ты симпатичный парень, – начинает он.

– Ты что, ко мне подкатываешь?

– Мечтай.

Вздох у меня таки вырывается.

– Я констатирую факт, ты симпатичный, а значит, у тебя нет причины быть таким ленивым, безынициативным, анти-социальным мудаком. Ты бы мог цеплять цыпочек направо

и налево, если бы приложил усилия. Эти твои худи и рваные джинсы? Я понимаю. Весь такой из себя бунтарь. Но мне надо поддерживать репутацию...

– А, так все дело в тебе? – сухо перебиваю его я.

– Ну конечно же дело во мне! – Он звучит устало. – Я не могу быть братом странного затворника. Ладно еще, если бы ты был уродом, тогда все бы смотрели на твою недружелюбную морду и думали, что ты один, поскольку это я не хочу иметь дел с *тобой*. Понимаешь?

– Не особо.

– Но нет же, тебе надо быть гребаным красавцем. И теперь все качают головами и думают: и почему же этот парень не хочет водиться с Бишопом? Иди ты на хрен, Ремингтон, вот что. Не в мою смену. Ты развалишься, что ли, если хоть немного пошевелишься?

– А мне не насрать на твою репутацию?

– Да тебе на все насрать, – отрезает он.

В принципе, он прав. Я никогда ни о чем особо не волновался, кроме, может, моей техники. Разбейте мои мониторы, вот тогда я очень даже разволнуюсь. А все остальное, друзья, школа, телки... Я плыву по течению и никогда ни во что не вкладываюсь всерьез. И чего в этом плохого? В чужие дела не лезу, занимаюсь своими. Если бы больше народа брало с меня пример, мы бы, может, уже достигли всемирной гармонии.

– Встреться с пацанами, – раздраженно говорит Фенн. –

Социализируйся хоть немного, чтоб тебя. Я не дам тебе торчать в нашей комнате весь семестр, как какому-то социопату.

В горле встает ком. Он клянчит у меня завести друзей, как собака просит кость. Мне вообще плевать, но черт с ним. Если это его уgomонит на пару дней, то ладно, я появлюсь ненадолго и сольюсь, когда он отвлечется.

– Только ненадолго, – соглашаюсь я.

По дороге к футбольному полю нет ни одного административного здания, так что я достаю из сумки косяк.

– Чел, ну серьезно? – Фенн косится на меня.

– Ты не куришь?

– Курю, но на вечеринках или вроде того. Не перед тренировкой. И уж точно не так открыто.

– Это в медицинских целях. На трезвую голову я могу вас богачей, терпеть не больше восьми часов.

– Слушай. – Он останавливается и нетерпеливо вздыхает.

– Что, опять поговорить?

Он игнорирует мой подкол.

– Здесь существуют определенные правила. Парни делают, что хотят, но всему свое время и место. Ходить постоянно обкуренным – не круто. Мы это не выпячиваем.

– Ты все время забываешь, что я не один из вас и быть им не хочу, – напоминаю я.

Для меня это всего лишь очередная школа из длинного списка. Отличается только бюджет. Меня это не меняет.

– Да будь ты кем хочешь, но имей хоть немного такта.

Мой первый порыв – послать его куда подальше. Какое мне дело до их условных традиций? Ни вижу ни одной причины, почему это должно касаться меня, и что я получу от того, что сольюсь с толпой? Но тут в моей голове проклеывается надоедливый голос, напоминающий, что он не просто мой сосед по комнате. Мы теперь навеки связаны, две жертвы жестокой шутки, которую с нами сыграли родители. И не то чтобы я ненавижу парня, поэтому зачем делать из него врага, когда он хочет быть союзниками? По крайней мере пока. Я все еще не собираюсь слепо ему доверять.

– Я помочь пытаюсь, – говорит он, словно может видеть, как нерешительность в моей голове превращается в заключение.

Так что я затыкаю косяк за ухо. Назовем это компромиссом.

– И никогда не говори, что со мной нельзя договориться. Фенн закатывает глаза, но в принципе удовлетворен.

Мы подходим к зданию со спортзалом и раздевалками. Снаружи группа парней балуется с мячом, вытворяя едва ли впечатляющие трюки.

– Это будет весело, – бормочет Фенн, когда мы подходим к ним.

Один из парней пинает мячик в Фенна, и тот подкидывает его несколько раз на коленке, прежде чем вернуть обратно.

– Это твой новый парень? – кричит кто-то.

Фенн лишь снова закатывает глаза. Его, кажется, вообще

мало что трогает. Ну, кроме того, что я отказываюсь доверять ему свою социальную жизнь. Это ему как раз очень не нравится.

– Ребята, это Эр Джей, мой новый брат.

– А справка от врача у тебя есть, брат? – Пацан, одетый в жутко облегающую футболку и, похоже, компенсирующий маленький член количеством кубиков на прессе, кивает на мой косяк.

– Да, вот она. – Я сую руку в карман и достаю обратно, оттопырив средний палец.

У Фенна вырывается смешок, но мистер Пресс явно не впечатлен.

– Твой братец, похоже, еще не понял, как тут все устроено, – говорит он Фенну, ступая в мое личное пространство.

Фенн пожимает плечами.

– Что тебе сказать, Дюк. Делает что хочет.

Дюк. Так это, значит, криминальный король Города Мальчишек. Не знаю почему, но я надеялся, что у него хотя бы будет крутой шрам или типа того. Ну да, он большой и накачанный, но так выглядят все парни в «Ривердейле», а я более чем уверен, что смог бы уложить придурка вроде Арчи Эндрюса.

– Ты тут новенький, – начинает Дюк, показательно скрещивая руки на груди. – Так что я тебе поясню. Если ты собираешься здесь что-то толкать, то мне полагается доля. Все сделки в этой общаге проходят через меня.

– Это что, вымогательство? Прости, я не смотрел «Славных Парней».

Его ответный смешок истекает заносчивостью.

– Знаешь, комедианты всегда ломаются быстрее всех.

– А что, вышло смешно? – Я бросаю взгляд на Фенна. – А я-то пытался тебя грубо послать.

Голос Дюка становится еще тише, и он давит из себя улыбку, чтобы показать своим друзьям, что мое безразличие никак его не задевает.

– Ты быстро поймешь, что я не тот парень, с которым стоит враждовать.

Ну, не знаю. Я был во многих школах и видел все варианты задир, которые может предложить подростковая Америка. Как мне кажется, в нем нет ничего уникального. Задир в моей предыдущей школе мог похвастаться татуировкой на шее, коллекцией метательных ножей и привычкой пырять людей. Я мысленно делаю заметку написать потом Жюли и спросить, арестовали старину Гэвина за что-нибудь, наконец, или нет.

– Принято, – говорю я. – Вот только ты-то обо мне ничего не знаешь. Какой парень, по-твоему, я?

Он щурится.

Парни вроде Дюка никогда не знают заранее, что им есть чего терять. И насколько легко кто-то может у них это что-то забрать, при правильной мотивации.

Я тот парень, которому не стоит давать эту самую мотивацию.

вацию.

Проигнорировав мой вопрос, Дюк переводит взгляд на Фенна.

– Приводи брата в субботу на бои, – говорит он, уходя вместе со своей компанией. – Буду рад его там видеть.

Фенн качает головой, как только они скрываются из виду.

– Прошло ровно так, как я ожидал, – говорит он скорее себе, чем мне.

– Бои? – спрашиваю я, лишь слегка заинтересованный.

– Сам увидишь.

Мы подходим к боковому входу в здание, и я резко понимаю, где мы. На той стороне лужайки, среди деревьев, виднеется узенькая тропинка, на которой я столкнулся с сердитой девушкой.

– Я там недавно девчонку встретил, – говорю я Фенну.

Он озадаченно смотрит на лес.

– Ты там что, хижину строил?

– Я бродил вокруг в поисках места для перекура и пошел по тропинке. А потом подбегает эта девка и, по сути, говорит, что в следующий раз меня там пристрелят.

Фенн толкает дверь.

– А, да. На ту тропинку нельзя. Она ведет к дому Слоан. – Он смотрит на меня через плечо. – Лучше держаться подальше.

– Она горячая была. Такого, «наступит-тебе-на-яйца-и-скажет-звать-ее-госпожой» типа.

Он фыркает.

– Бедный ты болван.

– А что, кто она?

– Слоан Тресскотт. Дочка директора. – Он продолжает хмыкать себе под нос, проходя вперед. – То есть единственный человек на территории, которого нельзя поймать.

Глава 10. Слоан

Первый школьный день прошел ужасно. Когда прозвенел последний звонок, я вышла из дверей Святого Винсента, готовая списать это на нервы, плохое настроение или недостаток сна. Первый блин комом, это бывает. Вот только сегодня денек ничем не лучше. Учителя нас строят, как будто это какой-то советский лагерь по воспитанию спортсменов. Будешь слишком громко дышать в классе – получишь пятьдесят ударов палкой и день в колодках. Я-то думала, все эти стереотипы о католических школах были правдой только в кино, но нет, как оказалось, они всю эту тему со святыми и ангелами воспринимают абсолютно серьезно.

Что было бы еще ничего, если бы остальные девчонки были сносные. Но нет же. Все, с кем я пока что познакомилась, это либо по уши влюбленные в собственное отражение, считающие себя лучше всех остальных абсолютнейшие сучки, либо ходячие реинкарнации сорокалетних девственников-пилигримов в поисках очередной шлюхи дьявола, которую можно будет казнить. Я, очевидно, совершила непростибельный грех, слегка накрасившись и надев юбку чуть выше колен, и теперь болотные монстры из темных углов коридоров сжигают меня взглядами.

Без понятия, почему я думала, будто школа для девочек – хорошая идея. Это как если взять всю драму из обычной

смешанной школы и сделать из нее стопроцентный экстракт, настоящий на суперэстрогенном ядовитом коктейле из сучности. Хотя, может, это только мое мнение.

Не то чтобы у меня было много вариантов после того, как папа забрал нас из Балларда. Случившееся с Кейси так его напугало, что он не хотел больше подпускать ее к той территории даже на километр. А Святой Винсент – это единственная другая частная школа поблизости от Сендовера. И поскольку папа скорее заставил бы собственных учителей заниматься с нами на дому, чем отправил нас в государственную школу, мы оказались здесь.

После уроков я останавливаюсь у шкафчиков и замечаю двух девчонок с выпрямленными волосами. Они обе пялятся на меня, словно поджидали нарочно. Я тут же настораживаюсь и напоминаю себе снять кольца, прежде чем бить.

– Я слышала, – говорит одна из них, глядя на меня поверх плеча подруги, – что ее сестра с катушек слетела.

– Это правда, – отвечает вторая и поворачивается, чтобы посмотреть мне в глаза. Ее зовут Никки. Мы были в одной группе на первом уроке, и с той же секунды, как вошла в кабинет, я знала, что она вынудит меня ей врезать.

Наверное, было наивно надеяться, будто слухи не дойдут до Святого Винсента. В Балларде их было не угомонить – уж я пыталась. Несмотря на все мои старания, самый травмирующий момент в жизни моей сестры перетек в следующий, второй по травматичности. Сочувствие от одноклассников?

Ага, щас. Как только фабрика слухов начала работать, ничего хорошего Кейси уже могла не ждать. Она превратилась в сумасшедшую укуренную десятиклассницу, которая попыталась утопить себя ради внимания. Как будто Кейси была на такое способна.

– Моя кузина учится в Балларде, и она говорит, эта психованная загнала машину в озеро посреди выпускного, – радостно продолжает Никки. – Это насколько же надо быть жалкой!

Я опускаю руку от шкафчика, одаривая Никки максимально милой улыбкой. Сволочи из Балларда изгнали Кейси из школы, но местным овцам я этого сделать не позволю.

– Как по мне, так твоя кузина просто тупая сука, которой пора бы научиться держать язык за зубами.

Она улыбается мне в ответ, вся такая заносчивая и упивающаяся собственной жестокостью.

– Но это же правда, разве нет? У нее был, типа, психический срыв.

– Правда? – вкрадчиво говорю я, подходя ближе, разговаривая лично с ней, хотя люди вокруг и начинают останавливаться, чтобы послушать. – А что, если машину в озере утопила другая сестра, м? Но нет, с чего бы ей так странно поступать, правда? Она бы должна была быть совсем ненормальной. Непредсказуемой. Способной на что угодно. Приступы слепой ярости и вспышки насилия, например. А если у нее еще и нет терапевта и правильных лекарств? Я не стала

бы провоцировать такого человека. А то вдруг станешь той самой последней каплей, после которой ее снова сорвет с катушек. – Моя улыбка становится шире. – Кто знает, что она выкинет, правда же?

– Так, стой... – Никки издает нервный смешок, осознав, что собрала вокруг себя зрителей, как и хотела, но больше не уверена в своем положении. – Ты что, мне угрожаешь?

Я с улыбкой захлопываю шкафчик.

– Нет, милая моя. Хорошие католические девочки никому не угрожают. Бог карает их врагов самостоятельно.

На этом я разворачиваюсь и ухожу, оставив ее переваживать потенциальные последствия издевательств над моей сестрой. Обо мне вы можете говорить что угодно, мне плевать. Но если тронете Кейси, я разрушу вашу жизнь и все, что вам дорого. Со мной лучше не связываться.

– Ну ты и маньячка. – По дороге к столовой со мной равняется невысокая девушка с кольцом в носу.

– Да ну? – В такой школе существует тысяча способов получить ножом под ребра, так что я не доверяю дружелюбным улыбкам – сама так умею.

– У Никки будет ПТСР после этого.

– Пусть учится осторожнее цели выбирать.

– Я Элиза, – говорит она. – А ты новенькая.

– А я-то надеялась не привлекать внимания.

– Школа маленькая, тебя в любом случае бы заметили.

Что-то в этой девчонке заставляет меня проникнуться к

ней, как бы подозрительна и осторожна я ни была. Ее спокойная уверенность и расслабленность разбавляют яд в моей крови.

– Хочешь, плюнем на обед и я тебе тур проведу? – спрашивает она.

Звучит лучше, чем то, что ждет меня в столовой: сотня шепчущихся девчонок, сочиняющих шокирующие истории про мою сестру и делающие ставки, когда я взорвусь в следующий раз. Кейси обедает на следующей перемене, так что я даже не могу провести ее. Меня от этого слегка потряхивает, честно говоря. С самого происшествия мы не расставались ни на день. Я думала, что уже устала быть нянькой, но теперь внезапно ловлю себя на мысли, справляется ли она лучше меня со всем этим дерьмом.

– Моя сестра не сумасшедшая, – сообщаю я Элизе, вскинув бровь. – Сразу говорю.

– А я так и не думала, – легко отвечает Элиза. – Сейчас бы еще верить всему, что несут эти ведьмы.

– Хорошо.

Следуя за Элизой, я оказываюсь за южной границей территории. Здесь растения оставили в покое и дали им расти, обвивать щербатые стены старого каменного строения. Над нашими головами висится колокольня, явно пустая внутри.

Успокаивающе кивнув мне, Элиза открывает тяжелую деревянную дверь, разбухшую и покосившуюся от многолетнего урона, нанесенного дождями и сыростью.

– Я и не знала, что тут такое есть, – отмечаю я.

Внутри старой церквушки темно и туманно. Деревянные скамьи и псалтыри на месте, обугленные и рассыпающиеся. Разбросанные по полу страницы вздрагивают от вибрации наших шагов, оставляющих новые следы на пыльном полу.

– Тут был пожар. Пару десятилетий назад, – говорит Элиза.

– И они вот так тут все и бросили?

– Ага. Легенда гласит, что тут репетировал хор, и монахиня с несколькими учениками оказалась заперта внутри. Вот тут и умерли, – добавляет она, остановившись за останками разваливающегося алтаря. – Семьи подали в суд, дело тянулось годами. Сносом так никто и не занялся. Я сюда курить прихожу.

В стенных щелях змеится плющ, между половыми досками проросла трава. Словно природа медленно забирает свое. Единственное освещение – тусклый свет, пробивающийся сквозь витражи.

– Сюда, – говорит она, ведя меня к сомнительной деревянной лестнице. Кто-то приставил ее к стене, чтобы добраться до пустой звонницы.

Элиза жестом говорит мне лезть первой и придерживает лестницу, чтобы та не шаталась подо мной.

Я забираюсь наверх и чуть не слепну от солнца, слишком яркого после темной церквушки. В болезненном белом тумане я шарю руками в поисках пола и подтягиваюсь, чув-

ствуя, как лестница скрипит под моими ногами.

Сев на край, я даю глазам привыкнуть. По краям солнечного пятна сначала проявляются цвета, потом формы. Облака бросают недолгую тень, и я наконец осознаю, насколько высоко сижу и какой огромной кажется сверху территория.

Элиза с легкостью забирается ко мне и садится рядом. На такой высоте гуляет слабый ветерок, но он никак не спасает от душной жары, липнувшей к нам. Уж не знаю, дело в погоде или в высоте, но в животе что-то сводит. Земля внизу кажется какой-то зыбкой.

– Ты норм? – с усмешкой спрашивает она.

– Теперь да. По моим прикидкам, вероятность того, что ты тащишь меня сюда, чтобы столкнуть, была где-то тридцать процентов.

– А сейчас?

– Где-то шесть.

У нее вырывается резкий смешок.

– Неплохо.

Дело наконец доходит и до упомянутой сигареты. Она курит гвоздичные, и хоть этот вкус мне и по душе, терпеть я его могу только в маленьких дозах, ведь потом мое горло начинает пылать. К концу обеденного перерыва, когда приходит время возвращаться, я решаю, что она мне нравится.

– Подойдешь, – объявляю я.

Элиза наклоняет голову набок, удивленно глядя на меня.

– Куда подойду?

– Как подруга. Будем подругами.

Это вызывает у нее смешок. Закрыв за нами дверь, она уводит меня прочь от церквушки, все еще хихикая.

– Я польщена, – говорит она, но, кажется, только наполовину саркастично. – Но должна предупредить, я тебя испорчу.

– Давай, попробуй, сучка.

Мы снова начинаем хихикать, и я понимаю, что пребываю в хорошем настроении. В школе. В *католической* школе. Не успеваю я это подумать, как мне приходит сообщение с незнакомого номера.

Неизвестный номер: *Выяснил твое имя. И телефон.*

От Фенна привет.

– Эр Джей.

Я даже не знаю, смеяться или материться, так что делаю и то, и другое.

Элиза с любопытством смотрит на меня.

– Парень? – спрашивает она.

– Симпатичный сталкер.

– Да ну? – Она бросает взгляд на мой экран. – Насколько симпатичный?

– Симпатичнее, чем разрешено законом, – бурчу я.

И эта настойчивость делает его только привлекательнее. То, что он приложил усилия, чтобы меня найти, значительно

поднимает его в моих глазах, хоть это немного и стремно. С Фенном надо будет поговорить, чтобы не раздавал мой номер кому попало.

Я: Скажи Фенну, пусть спит с открытыми глазами.

Эр Джей: Я его обманул. Его вина лишь в том, что он простак.

Я: А твоя – что ты ходячий красный флаг.

– У вас что-то намечается или?.. – спрашивает Элиза, читая через мое плечо.

– Пока не решила. – То есть, конечно же, решила. Сказано же было, я в этом году не лезу ни в какую идиотскую мальчишескую драму.

Но переписываться-то можно.

Эр Джей: Можешь сказать мне удалить твой номер.

Я: Можешь доказать свою преданность и не дышать до тех пор, пока я не позвоню.

Эр Джей: Наше место, сегодня после обеда? Я десерт принесу.

Я: Это мое место.

Эр Джей: Я согласен на любое место, какое ты захочешь.

Элиза фыркает.

- Как же он старается. Спорю, он и оралом не брезгует.
- Так, все. Мы его даже не знаем. Давай притормозим.

Я: *Не суйся на мою тропу.*

Он думает, что самый умный. Что возьмет меня измором со своими обаянием и флиртом, пока я не забуду, почему вообще бросила его в лесу с косяком. И старая я, может, и купилась бы.

Новая я отказывается проигрывать паре подкатов и симпатичной мордашке.

Глава 11. Эр Джей

По вторникам у нас дни изнурительных физических упражнений. Сегодня, например, учитель физры заставил нас бегать кругами вокруг крытого бассейна. Если выбирать между этим и забегом на две мили в водопаде собственного пота на дорожке снаружи, где моя кожа пытается растаять и сползти с костей, то я, в общем-то, и не против.

– Кто из вас не умеет плавать? – спрашивает учитель, закусывая свисток в уголке рта, пока мы все выстраиваемся в плавках вдоль края бассейна.

Один бледный веснушчатый мальчишка поднимает руку. Учитель хватает громоздкий неопреновый жилет со стены и кидает в него.

– На. Можешь плескаться с краю.

Он сказал нам звать его Брек. Не знаю уж, это имя, фамилия или состояние души. Но у него вид такой, словно ему тут быть хочется даже меньше, чем нам всем. Я бы предположил, что он какой-нибудь сорокалетний бывший олимпиец, вылетевший из первого дивизиона, затем прошедший реабилитацию и по старой дружбе выбивший себе здесь работу, дабы потом целыми днями жалеть обо всех жизненных решениях, которые привели его к роли няньки богатых переростков.

– Остальные будут плавать эстафету двести метров вольным стилем и пятьдесят на спринтерской скорости. По че-

тыре на дорожку. Выстраивайтесь. – Его свист эхом отдается от стен пустого строения, как в пещере.

Я даже не представляю, сколько это на деле, пока первые пловцы не оказываются в воде и не начинают плавать туда-обратно. По четыре круга на каждого. Глядя на них, я начинаю немного нервничать и встаю в конец своей очереди. Мне надо морально подготовиться. Не то чтобы я не спортивный – я бегаю и качаюсь немного, – но плавание это совсем другая история. Там надо правильно дышать и толкать свое тело сквозь воду.

Брек дует в свисток, говоря нам забираться на платформы. Потом предыдущий парень касается стены, и я, особо не думая, прыгаю в воду. Мысли выключаются, и я подчиняюсь инстинкту. Я, наверное, уже год не был в воде, но тело помнит. Нахожу свой ритм. Первый круг идет немного косо, поскольку я пытаюсь повторять то, что видел по телевизору или у других пловцов. Сначала получается плохо, но потом я разбираюсь, что к чему. После третьего круга жду, когда начнут ныть мышцы или болеть легкие. Но прежде, чем это случается, я ударяюсь пальцами о край и понимаю, что закончил.

Четыре круга. Легче легкого.

После эстафеты нам дают минуту отдохнуть, а потом мы все выстраиваемся для спринта. Брек достает небольшой секундомер и дует в свисток. Я иду в третьей партии, и, когда уже стою на краю, случается что-то странное. Пальцы начи-

нает покалывать. Пульс учащается. Я понимаю, что покачиваюсь взад и вперед. И, срываясь с места, я осознаю, что хочу порвать этот заплыв. За первое место нет ни призов, ни побряжек, но почему-то мне смертельно необходимо добраться до противоположного края бассейна так быстро, как только возможно. Я колочу ногами, как бешеный. Чувствую, как ноют запястья, толкающие воду назад.

Когда я врезаюсь в стенку и откидываю волосы с глаз, оглядываюсь и понимаю, что обогнал остальных парней на целую длину своего роста.

Какое крутое, оказывается, ощущение.

Утираясь полотенцем, я замечаю мужчину постарше, разговаривающего с Бреком. Он высокий, загорелый и крепко сложенный. На нем футболка плавательной команды Сендовера, а на шее висит свисток. Они замечают меня и жестом подзывают к себе. Вопреки здравому смыслу я подхожу.

– Ты показал неплохое время, – говорит мне мужчина. – Занимался плаванием?

– Нет, это не мое.

– Рост и сложение у тебя подходящие. Какой у тебя рост? Сто восемьдесят, восемьдесят пять?

– Сто девяносто.

– А вес?

– Откуда я знаю? Кто взвешивается просто так?

Он щурится.

– У нас сейчас начнется тренировка. Останься, попробуй-

ся в команду.

– Я бы рад, но, понимаете ли, у меня уже есть дела на вечер. Я собирался защемить свой член дверью машины. Это важно, сами понимаете.

– Ладно, Шоу. – Брек морщится и машет рукой. Будет знать, как пытаться меня куда-то втянуть. – Иди в душ.

Люди получше Брека и этого Бобби Брасса пытались записать меня в команду. Теперь это уже дело принципа.

К тому времени, как наш класс возвращается из душа в раздевалку, спортсмены уже переодеваются перед тренировкой. Сайлас кивает мне, проходя мимо в сторону бассейна.

– Братишка Фенна, – окликает меня Лоусон через всю комнату. – Заблудился?

Я кидаю свою сумку у шкафчиков, рядом с его.

– А что, это разве не библиотека?

– В государственных школах все еще есть библиотеки? Я думал, они переоборудовали их в оружейные.

– Типа того.

– Слышал, ты подкатываешь к Слоан, – говорит он, натягивая плавательную шапочку. – Как успехи?

Чертов Фенн. Треплется, как девчонка.

– Между нами незримая связь, – отвечаю я.

Лоусон усмехается.

– Сбит на подлете, ясно.

– Да не, просто надо найти к ней подход.

– Ага, – тянет он. – Ну попробуй.

Я знаю таких девчонок, как Слоан. Они хотят, чтобы ради них ты напоролся на меч, а потом вышел с другой стороны лезвия. Рваная рана в твоей груди докажет, что ты честен. Обычно подобные действия слишком муторные, чтобы просто с кем-то переспать, но на этот раз мне кажется, что она вполне может того стоить. Без понятия, что меня так зацепило в этой девчонке, но теперь это вызов, от которого я не могу отказаться. Она думает, я выдохнусь. Я докажу ей обратное. Дело, впрочем, не только в неприступности. Почему-то создается ощущение, что мы с ней похожи. Если нам удастся адекватно поговорить, мы бы даже могли подружиться.

– Даже не надейся, – говорит Лоусон, закрывая свой шкафчик. – Она недотрога. Ее заводят мучения парней. Даже тот айсберг, что сотворил Гранд-Каньон, не смог бы сдвинуть эту особу с вершины ее убеждений.

– По опыту говоришь?

– Играть не стыдно, стыдно не знать, когда отступить.

Не хочу обидеть Лоусона, но я даже рад знать, что у Слоан более высокие стандарты.

Очевидно, в последнее время я жаден до наказаний, поэтому по пути в столовую отправляю ей еще одно сообщение.

Я: *Предложение десерта все еще в силе.*

Она меня не игнорирует. Это хороший знак.

Слоан: *Даже не сомневаюсь.*

Я: *Так приходи.*

Слоан: *Найди себе новое хобби.*

Я: *А мне и это нравится.*

Слоан: *Еще не надоело биться об стенку?*

Я: *Пока нет.*

Я ее измотаю. Тут просто нужно время. А у меня его навалом.

Вернувшись в общежитие, я обнаруживаю Фенна сидящим на диване с ноутбуком.

– Ну и кто теперь в комнате торчит? – передразниваю я, бросая свои вещи у кровати.

– Надо сделать это дурацкое эссе по истории, – отвечает он, яростно клацая клавишами. – Тренер хочет, чтобы я помог ему с отбором на этой неделе, так что времени у меня особо не будет.

– А, это. Я его прошлым вечером сделал.

– Чего? – Он поднимает взгляд на меня. – Серьезно?

– Ну да.

– Это каким, на хрен, образом?

Я плюхаюсь в одно из кресел со своим ноутом.

– Скачал с интернета.

– Чувак, школа использует антиплагиат. Ты же попадешься.

– У меня свои методы.

Он скептически смотрит на меня.

– Это какие же?

Фенна посвящать в мои методы рискованно. Да, это сейчас он топит за «семью», но где гарантия, что он не кинет меня, как только подвернется существенная причина? С другой стороны, он моя лучшая связь с новой и многообещающей клиентской базой. Что самое худшее может случиться? Меня выкинут из школы? Так я уже бывалый.

– Все просто, – говорю я. – Все эти антиплагиаты связываются с онлайн базой данных, где хранятся источники. Я разбираюсь, которую программу использует школа, вламываюсь на тот сервер и стираю нужное мне эссе.

Его брови уползают на лоб.

– Ты так умеешь?

– Это несложно. В предыдущих двух школах я так подрабатывал. Могу и тебе помочь.

– Уж пожалуйста. – Он захлопывает ноутбук. – Но серьезно, попадаться нельзя.

– Еще ни разу не ловили.

Это один из моих наиболее изящных приемов. Огромный объем источников, содержащихся в этих базах данных, является их преимуществом, но это также и их слабость, поскольку делает вторжение и удаление практически необнаружимыми. А поскольку мой бизнес по своей природе весьма небольшая операция, риск минимален.

Идеально же.

Фенн наблюдает за мной, пока я ищу подходящее для него эссе.

– Так ты вот этим тут целыми днями занимаешься? Хакерством?

– Вроде того.

– Все еще задротство, – говорит он, затем хватается пульт от телевизора и начинает щелкать каналы, решая, как провести внезапно образовавшееся свободное время. – Но уже не так плохо. Теперь я на пятьдесят процентов спокойнее отношусь к тому, что ты мой сосед.

Я не решаюсь сказать ему, что это ненадолго. Ведь, честно говоря, я не думаю, что задержусь в этой школе. Рано или поздно меня выпнут. А если я и выпущусь, то он пойдет куда-нибудь в Лигу плюща, а я займусь своими делами. Может, мы будем пересекаться на каникулах, если наши родители не разведутся, но там тоже не все понятно.

И все же этот момент я засчитаю как совместное времяпрепровождение. Напомню ему в следующий раз, когда он будет меня куда-нибудь тащить.

Глава 12. Фенн

– А ну иди сюда, придурок.

Злобный выкрик Эр Джея выдергивает меня из раздумий, и я стягиваю с себя наушники.

– Ну, давай, еще немного. – Эр Джей дергает джойстиком, качаясь на диване. – Налево. *Налево, мать твою.* – Он разъяренно пинает журнальный столик и швыряет пульт от Xbox. – Тупая игра, – ворчит он, косясь на меня. – На хрена ты меня на нее посадил?

Я опускаю взгляд и понимаю, что уже почти час пялюсь на одну и ту же страницу учебника по физике. Этим вечером среды я сел немного позаниматься после ужина, но вместо этого только рассеянно переключался с мессенджера на залипание в никуда, а потом обратно.

– Тебя же никто не заставляет в нее играть, – отрешенно говорю я. – Выруби, и все.

– Нет. – Он упрямо выпячивает подбородок и подбирает джойстик с пола. – Я отказываюсь признавать поражение.

– Да как скажешь, детка. – Я опять начинаю листать сообщения.

– Ты меня сейчас *деткой* назвал?

Я поднимаю взгляд от экрана.

– Разве?

– Да.

– Вот видишь, ты ответил на собственный вопрос. – Я удаляю несколько сообщений от девчонки из Балларда, напрашивающейся на повторное веселье.

Эр Джей смотрит на меня еще пару секунд, а потом вздыхает и возвращается к игре.

Я закрываю сообщения и тру лоб, мечтая, чтобы вся эта неумная энергия внутри меня куда-нибудь делась. Не знаю, что со мной не так. Я проснулся с мыслями о Кейси и весь день не могу избавиться от желания ее увидеть. Вчера ночью мы переписывались, но она до сих пор не ответила на мое последнее сообщение. Там ничего важного, какой-то случайный комментарий. Но последнее время я словно зависим. И эти всплывающие окошки с текстом – моя доза.

Я становлюсь одержим, и это проблема. Я могу нормально так испортить эту девчонку, если она не поторопится и не сообразит, что со мной водиться вредно. Кейси мягкая и невинная, как единорог посреди болота из богатеньких школьниц. Не говоря уже о том, что она на класс меня младше. Я не имею никакого права очернять ее своей склонностью к распутству и саморазрушению.

И тем не менее вот он я. Пишу ей каждый день и мечтаю встретиться, хотя и знаю, что моим грязным рукам стоит держаться подальше от кого-то настолько чистого.

Только вот проблема: я жадный трус и не могу удержаться. Я отбрасываю телефон, беру в руки учебник и приказываю себе сосредоточиться.

Потом под одеялом загорается экран. Кейси ответила на мое прошлое сообщение. Всего-то краткое «лол», а у меня сердце заходится так, словно мне прислали голую фотку.

Я проверяю время и понимаю, что уже за десять. Прикусив губу, я, кажется, целую вечность смотрю на экран.

Черт с ним. Отправляю ей сообщение.

Будь у меня хоть какой-то самоконтроль, я не был бы такой сволочью.

Я: *Хочешь похулиганить?*

Кейси: *Смотря как.*

Я: *Сбежать после отбоя. Встретимся?*

Кейси: *На тропинке.*

Я: *До встречи.*

– Ты куда собрался? – с подозрением спрашивает Эр Джей, и я застываю в дверях.

– С девушкой встретиться. – Бросаю взгляд через плечо. – Разрешаешь, папочка?

Он закатывает глаза и возвращается к игре, в которой лажает.

Технически еще не отбой, так что мне не нужно прятаться, чтобы ускользнуть из общаги. Я просто выхожу, засунув руки в карманы. Чем ближе я подхожу к краю территории, тем сильнее колотится сердце.

Что забавно, мы с Кейси толком и не разговаривали ни ра-

зу до того происшествия прошлой весной. Она была просто младшей сестрой Слоан. Милая, симпатичная, веселая девочка-болельщица. Где-то там, на заднем плане. Это потом мы сблизились. Сайлас почти угадал; в тот день, когда мы заходили к Трескоттам, я дал Кейси свой номер, как только Сайлас и Слоан оставили нас вдвоем на кухне. Не знаю, что мною двигало вообще. Может, ее грустный, подавленный вид с той полузажившей раной на лбу сыграл свою роль.

Это вышло как бы между прочим, жест сочувствия. «Эй, если захочешь выговориться, я неплохой слушатель».

Кто же знал, что она и правда напишет. Мне уж точно не стоило отвечать. Но она написала, и я написал, и каким-то образом мы стали друзьями.

С самого конца апреля и пока она не уехала на лето в Колорадо мы проводили вместе все свободное время, болтая и выгуливая ее собак по тропинке от основной территории до ее дома. Не знаю, такая ли я хорошая компания, но сам факт, кажется, поднимал ей настроение даже в самые тяжелые дни.

Директору это не особо-то нравилось. Он явно лучше чувствует опасность, чем она. Но даже он не мог поспорить с тем, что наше совместное времяпровождение помогло Кейси вылезти из той черной дыры, что поглотила ее после происшествия. Дав нам строгие указания, что мы можем видаться только на вечерних прогулках и в пределах слышимости от дома, он смиростивился.

Его главная ошибка.

Очень скоро я уже вытаскивал Кейси из дома после отбоя, и мы отправлялись на ночные приключения.

Протопанная тропинка к дому Кейси скрывается среди деревьев и огибает территорию. Еще год назад я бы спотыкался в темноте, цепляясь за шипы и плющ. Теперь я могу найти дорогу даже с закрытыми глазами.

Кейси стоит всего в нескольких метрах от края своего двора, так близко, что свет с крыльца пробивается даже сквозь деревья. Она поднимает освещенное экраном телефона лицо и улыбается, заметив меня.

Не говоря ни слова, она обвивает мою талию руками. Мне становится дурно от мысли о том, что она искренне мне рада. Какая-то часть меня вечно надеется, что она образумится. Что на этот раз она наконец скажет мне отвалить. Вместо этого девушка стискивает меня в объятиях, и я ничего не могу с собой поделать, кроме как с радостью принять тепло ее тела и вдохнуть запах ее волос. Они всегда пахнут лавандой.

– Классная пижамка, – говорю я ей.

Вечера все еще теплые и влажные, так что Кейси пришла в розовом пижамном костюме: рубашка с коротким рукавом и шорты. Выглядит преступно мило.

– А, – смеется она, глядя на свой наряд, – спасибо. Я подумала, что если бы меня кто-то заметил, пусть лучше так, чем переодетой. Выглядело бы подозрительнее.

Я скидываю бровь.

– Аккуратнее, а то я, кажется, плохо на тебя влияю.

– Хм-м-м. Ладно, буду иметь в виду.

Она хорошо выглядит. В смысле, счастливее и расслабленнее, чем в нашу прошлую встречу. С весной вообще не сравнить. Тогда она была в совершенном раздрае, и каждую ночь ее мучили кошмары. Я бы, наверное, чувствовал себя не лучше, если бы почти утонул, а потом очнулся на берегу, не имея ни малейшего понятия, что произошло. Отвратительно.

– Как дела? – спрашиваю я. – В школе норм?

Кейси отводит глаза и закусывает губу.

– Так себе, если честно.

– Не нравится Святой Винсент?

– Пока что плюсов мало.

– Почему, что-то случилось? – Моя кровь мгновенно вскипает.

– Неделя была тяжелой. – С ее лица сходит улыбка, на смену снова приходит мрачная грусть. У меня сердце трескается пополам. – Никто со мной особо не разговаривает, но я же все слышу.

– Что слышишь?

– Сплетни, в основном. Кто-то кому-то что-то сказал... Так что да, дни популярности, чирлидинга и организации мероприятий мне явно больше не светят. Дружить со мной никто не будет.

– Да пошли они. Кучка тупых сук.

– Фенн. – Она отчитывает меня за выбор слов, но я же

прав. И она, судя по мелькнувшей улыбке, полностью согласна.

Я тыкаю ее в бок и хитро улыбаюсь.

– Могу найти шестнадцатилетнюю девочку-боксерку, чтобы она надрала им всем задницы. Ну, то есть я и сам бы мог, но выглядело бы как-то неправильно...

– Пошлешь меня в школу с моим личным отрядом вышибал, да?

– Почему бы и нет?

– А может, ты научишь меня паре приемчиков? – Сверкая глазами, она демонстративно бьет воздух перед собой. – Подкачаюсь и начну краситься черной тушью.

– С твоими-то тонкими ручонками? Я думаю, тебе больше подходит психологическая война. – Улыбка сползает с моего лица. – Теперь серьезно. Я могу как-то помочь со всей этой школьной ситуацией?

– Да тут ничего и не поделать, кроме как стиснуть зубы и терпеть. Когда-то же я им надоем. – Она пихает меня локтем и выдавливает из себя легкую улыбку. В основном ради меня, думаю.

Главное, что я знаю о Кейси после стольких дней вместе, это то, что она всегда ставит других людей в приоритет. Всегда заботится о чужих чувствах, а про свои забывает. Эта девчонка постоянно утешает всех вокруг – отца, сестру, меня. Черт, да даже если бы кого-нибудь из тех сучек в Святом Винсенте вызвали на ковер к настоятельнице, Кейси бы пер-

вая стала защищать своих задир и просить руководство их пощадить.

Я мог бы сказать, что такое поведение раздражает, но на самом деле оно... вдохновляет. Зажигает в моей душе крохотную надежду, что, может быть, человечество еще не совсем обречено.

Допустим, я сам был обречен уже давно. Вероятно, еще до того, как встретил Кейси, но то, как я веду себя с ней, вряд ли проложит мне дорогу в рай. Я сволочь, потому что даю ей верить, будто мы друзья.

– Попались.

Мы с Кейси вздрагиваем и поворачиваемся в сторону шестеста веток. Внутри меня все обрывается при виде Слоан.

Глава 13. Слоан

Уж лучше бы я застала свою сестру в ту ровом автобусе какой-нибудь рок-группы, чем шарахающейся в лесу с Фенном посреди ночи. Его репутация бабника затмила бы и рок-звезду. Уступает он, пожалуй, только Лоусону, а это такой себе комплимент.

– Объясниться не хочешь? – холодно спрашиваю я.

– Мы просто болтали, – говорит Кейси.

– Я с ним разговариваю. – Потому что он знает, чем рискует. Я ему в красках описала, что сделаю с его пахом, если узнаю, что у него дурные намерения по отношению к моей сестре.

– Ух, как время летит, – говорит он. – Как-то быстро стемнело, да?

Жопа саркастичная.

– Тебе тут быть нельзя. Если папа узнает, что ты вытаскиваешь ее из дома по ночам, ему крышу сорвет.

Возмущенная Кейси наклоняет голову, глядя на меня.

– Фенн меня никуда не вытаскивал. Это я его позвала.

– Ага. Охотно верю.

То есть не верю совершенно, а это еще одно доказательство, что он на нее плохо влияет. Фенн, может, и горяч, и юмор у него лучше, чем можно бы было ожидать, но я никогда не верила ему ни на грош. И в папином решении разре-

шить этим двоим гулять вместе после аварии тоже всегда сомневалась, но пришлось признать, что это улучшило ее состояние. Как бы он на нее ни влиял, это работало. Но теперь Фенн уже начал борзеть. Надо ему иногда напоминать о правилах приличия – и о том, что его ждет, если он перейдет черту.

Но моя сестра не собирается сдаваться. На ее губах мелькает усмешка.

– Я так понимаю, все те разы, когда ты гуляла с Дюком после отбоя, мне приснились.

– Другой случай.

– Это почему?

– Ты знаешь почему. – Начнем с простого: я искренне надеюсь, что она не спит с Фенном. – И потому что ты не я.

– Как же.

Я борюсь с желанием закатить глаза в ответ на ее язвительность. Может злиться сколько хочет. Я знаю, чего все мальчишки Сендовера хотят от девушки вроде Кейси, и это никак не дружеский пикник под звездами.

– Видимо, потом поговорим, – говорит она наконец Фенну, поняв, что я не уйду. Игнорируя мои нахмуренные брови, она обнимает его, прежде чем уйти обратно к дому.

Фенн тоже пытается слинять, но я пригвождаю его к месту взглядом.

– Стоять, – командую я.

Он замирает.

– Ладно. Валяй.

Я подхожу ближе, положив одну руку на бедро.

– Я не шучу, Бишоп. Чтобы больше никаких побегов или секретных встреч в парке.

– Да едва за десять перевалило, – уточняет он с кривой усмешкой.

Может, другие девушки находят это очаровательным, но только не я. Мой взгляд становится острее.

– Ладно, ладно, боже. Черт возьми, Слоан. Расслабься. Больше не повторится.

Он устало ерошит свои светлые волосы, и мой взгляд притягивается к рельефным мускулам под длинными рукавами темной футболки. Это только сильнее напоминает мне о том, что Фенн опасен. Сто восемьдесят сантиметров роста, подтянутый, слишком красивый для собственного же блага. Такой разобьет моей сестре сердце безо всякого труда. Лишняя причина за ним присматривать.

Впрочем, пока он здесь... он мне кое с чем поможет.

– Так что там за история с твоим новым братом? – требовательно спрашиваю я.

– Не знаю. – Фенн хмурится, но, не получив ответа, продолжает: – Он одиночка. Никуда не вылезает, друзей не заводит. Держится особняком, все такое. Чаще всего из него двух слов не вытянешь.

– Забавно. Зато в моих сообщениях он не затыкается.

– Серьезно? – Он выглядит удивленным, а это значит, Эр

Джей не вытрясал из него информацию.

– Да, серьезно. Бесит.

– Да щас прям. – Фенн улыбается своей фирменной кривой усмешкой. – Тебе нравится внимание.

– Нет, – отрицаю я, пока голос в моей голове дразнится.

«Да, и еще как».

– Ага, продолжай себе это говорить, Слоан. – Его улыбка гаснет, а рука снова оказывается в волосах. – Теперь ты мне кое-что скажи... Стоит волноваться из-за тех девчонок в Святом Винсенте? Звучит так, словно Кейси донимают.

– Не твои проблемы. Я разберусь.

– Точно?

– О да. Я уже перетерла с одной языкастой дамочкой. Думаю, после нашего разговора ей понадобится психотерапевт.

– Хорошо. Продолжай в том же духе.

– Разумеется. – Если мы с Фенном в чем-то и единодушны, так это в желании защитить Кейси.

Я всегда не против заступиться за сестру. И придушить могу, так-то. Но эта постоянная маска, образ сокрушительной стихии, какой меня все видят, – чертовски выматывает. Папа и Кейси опираются на меня, ожидая, что я выведу все их проблемы на себе, а вот я, смотря вокруг и ища кого-то, кто поможет с этой ношей, нахожу одну лишь пустоту. Им я этого, конечно, сказать не могу. Кейси помрет от чувства вины, а папа, наверное, прочтет мне лекцию о том, как сильно я его подвела. Что касается друзей, с Сайласом или еще

кем я этим точно делиться не собираюсь. Нельзя показывать слабость. Никому.

И все же. Иногда я думаю, как же было бы хорошо иметь хоть одного человека, с которым можно об этом поговорить.

Когда Фенн уходит, я остаюсь стоять снаружи, вдыхая теплый ночной воздух. Когда я разворачиваюсь к дому, экран телефона вспыхивает входящим сообщением.

Мила: *Мы все еще не разговариваем?*

К слову, о «друзьях».

Я продолжаю идти, игнорируя ее. Но для некоторых людей индикатор прочитанного сообщения у меня включен, и Мила – одна из них. Я хочу, чтобы она знала, что я все читаю и не отвечаю намеренно.

Моя бывшая подруга, как всегда проницательная, сразу все замечает.

Мила: *Да ладно тебе, детка. Кто старое помянет, все такое?*

Я опять читаю и не отвечаю. Мы с Милой знакомы с младших классов, а значит, она прекрасно знает, кто я такая. Слоан Трескотт не приемлет вторых шансов. Троньте меня или мою семью, и вы для меня считай что мертвы. Когда я подаю документы в колледж и прилагающаяся анкета спрашивает

меня о моих сильных сторонах, я всегда знаю, что ответить.

Бег.

Способность никогда не показывать слабость.

И железобетонная злопамятность.

Глава 14. Эр Джей

Слоан – мой личный белый кролик.

Знаю, в моей увлеченности ею нет ничего здорового, но в то же время меня не покидает ощущение, будто она хочет, чтобы ее поймали. Так что я продолжаю идти по дорожке из крошек.

Да, конечно, я мог бы поднапрячься и завести отношения с правильными людьми, допросить каждого ее знакомого на всей территории и вытрясти из них достаточно информации, чтобы вытащить девушку на свидание. Но, чтоб меня, это как-то слишком много мороки.

Теперь, когда я узнал ее фамилию, вломиться в ее аккаунты не составило особого труда. Сначала я просто листал ее посты со своего профиля, но тут оказалось, что Слоан, пожалуй, последняя девушка на планете, которая не выкладывает всю свою личную жизнь на всеобщее обозрение. Ни одной фотки в бикини, ни одного утреннего селфи в кровати. Жаль. У меня есть подозрение, что она шикарно смотрится в купальнике, да и на спальню ее я бы посмотрел... К сожалению, по ее основным аккаунтам катается перекаати-поле, так что я вынужден копнуть глубже.

Ладно, хорошо, меня никто не вынуждал. Я *сам* решил быстренько заглянуть за занавес. Знаю, знаю, это нарушение личного пространства, но... я совсем немножко. Я же не

компромат ищу и не выкапываю ее голые фотки. Принципиально не суюсь в ее сообщения – даже не смотрю на имена собеседников. Вместо этого пытаюсь понять, с какой стороны к ней подступиться.

Лоусон настаивает, что она неприступна, но звучит так, словно он сдался. Я падох на загадки, и эта очень уж таинственная. Если в качестве награды я еще и в постель ее за-тащу, что же, тем лучше.

Все утро четверга я провожу, складывая кусочки пазла. Какие посты она лайкает. Что ей нравится. Вроде той группы, на чьи концерты она в прошлом году три раза таскалась по всей Новой Англии. Или поразительное количество времени, которое она проводит, гуляя кроссовки для бега. В конце концов мне приходится переключиться на учебу, что приводит меня в компьютерный класс, так как в общеаг интернет черепаший, а у меня полно дел. Например, мне нужно распечатать эссе по истории, которые нам с Фенном завтра сдавать. Еще бы еще этот принтер перестал заявлять мне, будто в нем нет бумаги, когда я положил в него уже две стопки.

– Да работай же ты, железка. Что тебе еще от меня надо? – Я подхожу к делу как настоящий инженер и хлопаю его рукой по крышке, в ответ на что он издает совершенно новый звук.

– Каждый раз с ним такое. – Ко мне подходит темноволосый парень, садится на корточки у принтера и выдергивает шнур из сети.

– А, так вот с чего надо было начать.

– Да нет, тут одним шнуром не обойдешься. Смотри, тут целый ритуал, – говорит он, воткнув вилку обратно. Встав, он наблюдает за включающимся экранчиком. – У этой штуки драйвера, наверное, с две тысячи третьего не обновляли, так что он постоянно сходит с ума на ровном месте.

Я наблюдаю, как парень продирается через лес меню и сообщений об ошибках, заставляя принтер снова уверовать в то, что ему хватает бумаги.

Довольный, он кивает сам себе.

– Должно работать. Какое-то время.

– Спасибо. – Я возвращаюсь к компьютеру, чтобы заново отправить файл на печать. Принтер и правда начинает весело жужжать и выплевывать страницы.

Пацан идет следом и нависает над моим плечом. Он выглядит младше меня, на класс или два.

– Ты тут первый раз.

– Ага.

– Я Лукас. – Он делает паузу, выжидая, и я, подавив вздох, заставляю себя представиться.

Что не так с Сендовером и всей этой навязчивой дружелюбностью? Я думал, мы все тут преступники.

– Эр Джей, – говорю я.

Лукас замечает мой ноутбук, торчащий из сумки, и у него загораются глаза.

– Сам собирал?

– Чего? А. Это кастомный кейс, мне его один чувак сделал в обмен на то, что я взломал телефон его парня и узнал, с кем тот ему изменяет.

– Seriously? Круто.

– Шаришь?

– Ага. Ну, то есть я, конечно, не эксперт, но увлекаюсь немного. Читаю, главным образом. Папа бы меня в саду закопал, если бы узнал, знаешь ли.

Несмотря на мои изначальные сомнения, мы начинаем болтать. Оказывается, он младше меня на год и абсолютно одержим компьютерами и программированием с двенадцатилетнего возраста. Лукас скромный, но свое дело знает, не то что те позеры из Сети, считающие себя вторым пришествием Митника¹. Почти всегда это оказывается школота, посмотревшая «Хакеров» на каникулах.

– Вот ты где, – окликает меня Фенн, заходя в класс. – Уже ужин, чел, пошли.

– Привет, Фенн, – кивает ему Лукас, пока я беру наши распечатки из принтера.

– Лови, тупень. – Я кидаю Фенну его эссе. – Наслаждайся оценкой.

– Уверен, что все сработает?

– Если ты последовал моему совету и поправил его так, чтобы было похоже на тебя, то да. Не парься.

– Что должно сработать? – спрашивает Лукас, глядя на

¹ Американский консультант по компьютерной безопасности.

странички.

– Ничего. – Фенн сворачивает свое эссе. – Не твое дело.

– В общем-то, я закончил. – Я запикиваю распечатку и ноутбук в сумку.

– Супер. Пошли, поешь с нами. Нельзя же каждый вечер хомячить в комнате, это стремно. – Фенн бросает взгляд на Лукаса. – Ты тоже присоединяйся. Попробуем понять, куда твой папаша запрятал твоего брата.

Лицо Лукаса приобретает болезненное выражение.

– Папа уперся как баран. Говорит, мы «изолированы» – видимо, в целях психотерапии или вроде того? Гейб будет изолирован от нас, пока не докажет, что он снова готов быть уважаемым членом нашей семьи. Даже мама мне не говорит, куда они его отправили.

Я слушаю их разговор, понимая его лишь частично. Порывшись в онлайн-жизни Фенна, я уже выяснил, что Гейб – это Гейб Киприан, лучший друг Фенна с самой начальной школы. Вот только я как-то упустил, что отец у парня какой-то мафиози или вроде того.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.